

Всемирная история

Вольфганг АКУНОВ

ГРЮНВАЛЬД

РАЗГРОМ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Вольфганг Акунов

**Грюнвальд. Разгром
Тевтонского ордена**

2016

Акунов В. В.

Грюнвальд. Разгром Тевтонского ордена / В. В. Акунов —
2016

ISBN 978-5-4444-8693-1

В книге историка Вольфганга Акунова раскрывается история многолетнего вооруженного конфликта между военно-духовным Тевтонским орденом Пресвятой Девы Марии, Великим княжеством Литовским и Польским королевством (XIII–XVI вв.). Основное внимание уделяется т. н. Великой войне (1310–1411) между орденом, Литвой и Польшей, завершившейся разгромом орденской армии в битве при Грюнвальде 15 июля 1410 г., последовавшей затем неудачной для победителей осаде орденской столицы Мариенбурга (Мальборга), Первому и Второму Торуньскому миру, 13-летней войне между орденом, его светскими подданными и Польшей и дальнейшей истории ордена, вплоть до превращения Прусского государства 1525 г. в вассальное по отношению к Польше светское герцогство Пруссию – зародыш будущего Прусского королевства Гогенцоллернов. Личное мужество прославило тевтонских рыцарей, но сражались они за исторически обреченное дело.

ISBN 978-5-4444-8693-1

© Акунов В. В., 2016

Содержание

1. Зачин	6
2. О прусской миссии Тевтонского ордена	8
3. О прусском государстве Тевтонского ордена	17
4. О войнах «мариан» с Литвой	23
5. О христианских разбойниках-«струтерах»	25
6. О политической ситуации в прусском государстве ордена к 1400 г. и о причинах Великой войны с Литвой и Польшей	29
7. Об армии Верховного магистра «мариан»	36
8. О тевтонском оружии ближнего боя	42
9. О стрелках Тевтонского ордена	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вольфганг Викторович Акунов

Грюнвальд. Разгром Тевтонского ордена

Моему сыну Виктору

Бог создал в наше время священные войны для того, чтобы рыцари и толпа, бегущая по их следу... могли найти новые пути к обретению спасения. И таким образом, они не должны полностью удаляться от мирских дел, уходя в монастырь или выбирая другую форму церковного служения, как это было раньше, но могут удостоиться в какой-то мере Божественной благодати, продолжая заниматься своим делом с той свободой и с тем внешним видом, к коим они привыкли...

Гвибер Ножанский, автор «Монтекассинской хроники»

*Эй, сюда, псы с павлиньими чубами!
Эй, сюда!*

Генрик Сенкевич. Крестоносцы

*Maria mild, o Mutter zart,
Sei Du mein Schild zur Himmelfahrt!'*

Из молитвы рыцарей Тевтонского ордена

© В.В. Акунов, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

1. Зачин

Не лепо ли бяшетъ, братия, начати старыми словесы трудныя повести²... а впрочем, лучше

Мы слогом сегодняшним песню начнем,
На происшедшее глянув —
Певцу не к лицу избитый прием,
Ветхий обычай Боянов³!

Тевтонский⁴ (Немецкий) орден Пресвятой Девы Марии был основан в 1190 г., в ходе 3-го крестового похода, при осаде западными крестоносцами («франками» или «латинянами») сарацинской (мусульманской) крепости Аккона (Акры, Сен-Жан д'Акра, Акки, Аккарона, Птолемаиды). Немецкие купцы из богатых северогерманских торговых городов Бремена и Любека (ставших впоследствии основой военно-политико-экономического Ганзейского союза) создали, под названием «ордена госпиталя (странноприимного дома) святой Марии тевтонов (немцев) в Иерусалиме», организацию, деятельность которой должна была первоначально ограничиваться уходом за многочисленными ранеными в боях и больными немецкими крестоносцами. Эта задача была поручена членам нового странноприимного ордена («орденским братьям») монашеского звания. Впоследствии ведущая роль в ордене Девы Марии перешла к рыцарям, которые, также принимая монашеский постриг, приносили обет (то есть обязательство) силой оружия бороться за сохранение Святого града Иерусалима под властью христиан (а впоследствии, после повторной потери Иерусалима христианами, — за его возвращение под их власть). В 1198 г. папа (епископ) римский официально признал странноприимное братство «тевтонов» («мариан») в качестве духовно-рыцарского ордена Римско-католической церкви под названием «ордена Дома Святой Марии Тевтонской», или «Тевтонского ордена Дома Святой Марии» (лат.: *Ordo Domus Sanctae Mariae Theutonicorum*). В период своего пребывания в Святой земле (Земле Воплощения, то есть главным образом в Палестине и Сирии) молодой Тевтонский орден оказался не в состоянии сравниться в силе и влиянии с учрежденными там значительно раньше военно-монашескими орденами храмовников (тамплиеров) и иоаннитов (госпитальеров). Сделавшись собственником многочисленных, однако разбросанных по всей Европе и Азии (главным образом, в Сирии, Палестине, Армении⁵, Греции, Южной Италии, на острове Кипр и в Германии) земельных владений, полученных им в дар от светских и духовных властителей, Тевтонский орден в скором времени направил свои усилия на создание, с использованием своего внушительного военного потенциала, собственного единого, централизованного государства, способного обеспечить рост его могущества в большей степени, нежели разрозненные, хотя и многочисленные, мелкие владения. Особо тесные связи с Германией побудили Тевтонский орден отвлечь свое

² Слово о полку Игореве.

³ Марк Гарловский. Речь о конном походе Игоря, Игоря Святославовича, внука Олегова (Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова).

⁴ Тевтонами (или аллеманами) — этнонимами древних германских племен — на средневековой латыни именовались немцы, или, если быть точнее, подданные Священной Римской империи (германской нации). Поскольку мы намерены в дальнейшем (условно) именовать «тевтонами» членов духовно-рыцарского Тевтонского (Немецкого) ордена Девы Марии — «мариан», это название будет даваться нами в кавычках.

⁵ В описываемую эпоху «Арменией» называлось государство, основанное в Киликии переселившимися туда под натиском мусульман армянами. Один из киликийско-армянских царей, Левон, не только щедро одарил «мариан» земельными владениями, но и сам вступил в Тевтонский орден в качестве «конфратера» («собрата»).

внимание от Святой земли. В 1222 г. «мариане», по приглашению короля Венгрии Андрея (Эндре) II (1205–1235), перенесли свою деятельность в Се(д)миградье (Трансильванию), где король поручил тевтонским рыцарям защищать пограничную область Бурца от нападений язычников-куманов (кипчаков, известных у нас на Руси под именем «половцев») и обеспечить ее колонизацию христианскими поселенцами. Однако уже в 1225 г. ордену «мариан» пришлось, под давлением венгерского короля, завершить этот эпизод своей истории, поскольку король (вообще-то весьма благоволивший соперникам «тевтонов» – иоаннитам) не пожелал терпеть существование автономной орденской области на территории своего королевства.

Еще до завершения се(д)миградской эпопеи «тевтонов», в 1222 г., их призвал на помощь польский герцог (князь) Конрад I Мазовецкий (1202–1247). Конрад, правивший также другой польской областью – Куявией (и являвшийся подданным императора «Священной Римской империи германской нации» Фридриха II Гогенштауфена) был не в состоянии собственными силами положить конец набегам литовского (а не славянского, как многие пишут и думают) племени язычников-пруссос (прутенов), успешно преодолевавших воздвигнутые поляками для защиты от их вторжений земляные валы и постоянно нападавших на Мазовию (Мазовше) с севера (а заодно и против близких сородичей пруссов – литовцев, также косневших в язычестве и опустошавших земли своих соседей огнем и мечом). Как вполне самостоятельный правитель, Конрад имел полное право так поступить. Ныне Мазовия – северо-восточная часть современной Польши (с центром в Варшаве, являющейся сегодня столицей всей Польши). Однако в описываемое время Мазовия составляла особую область, а польской столицей был город Краков, центр Малой (Юго-Восточной) Польши. Князь Конрад обещал вознаградить «братьев» Тевтонского ордена⁶ за военную помощь Кульмской (Хелминской) землей и всей территорией Пруссии (которую, правда, еще предстояло завоевать).

⁶ В качестве полноправных членов в Тевтонский орден Приснодевы Марии в первые столетия его существования принимались главным образом отпрыски дворянских родов (как правило, младшие сыновья мелкопоместных рыцарей, не получавшие доли в отцовском наследстве), но, наряду с ними, также и не принадлежавшие в рыцарскому сословию (*лат.*: *ordo equester*, буквально: «всадническому сословию» – термин, заимствованный из терминологии Древнего Рима, где «всадниками» – «эквитами», *лат.*: *equites* – именовалось второе по знатности, богатству и значению сословие после патрициев-сенаторов) бюргеры (горожане) – главным образом, граждане торговых ганзейских городов Бремена и Любека (как дань уважения первым «тевтонским» странноприимцам, происходившим из этих двух городов) – и хорошо зарекомендовавшие себя незнатные воины-крестоносцы. Последние за особые заслуги, пройдя период послушничества и после принесения необходимых обетов и принятия монашеского пострига, возводились в сан «брата-рыцаря» (*лат.*: *frater miles* или *frater militarius*, буквально: «брата-воина») Тевтонского ордена лично гохмейстером (который сам обычно был выходцем из нетитулованного рыцарского сословия, и лишь в редких случаях – из аристократических родов Священной Римской империи). Подниматься по служебной лестнице до высших административных должностей могли, как правило, лишь «братья-рыцари», хотя бывали и исключения. Так, например, вышеупомянутый Верховный магистр Карл фон Трир был сыном бюргера немецкого города Трира на Рейне. «Братья-рыцари», «братья-сарианты» и «братья-священники» приносили обет пожизненного служения Тевтонскому ордену. «Братья», вступившие в Тевтонский орден, передавали ему всю свою движимость и недвижимость (если таковая имелась), навечно вешали щиты со своими фамильными гербами (если обладали таковыми) на стены орденской церкви и отныне украшали свой щит только черным на белом поле крестом ордена Святой Девы Марии. В случае их смерти или исключения из военно-монашеского братства все внесенное ими имущество оставалось в собственности Тевтонского ордена. И лишь впоследствии, когда орден превратился из военно-миссионерской организации в «госпиталь немецкого дворянства» (для вступления в который стали требоваться все более длинные списки поколений благородных предков), дело дошло до нашивания фамильного герба тевтонского рыцаря поверх украшавшего его белый плащ черного орденского креста, наложение родового герба на орденский крест в геральдических документах и других вопиющих нарушений устава Тевтонского ордена. Кроме «братьев-рыцарей» полноправными членами Тевтонского ордена были «братья-сарианты» («сервиенты», «сержанты») и «братья-священники» («братья-клирики», нем. «пристербрудер», *Priesterbrueder*), от которых при вступлении в братство «мариан» не требовалось доказательства благородного происхождения.

2. О прусской миссии Тевтонского ордена

От заключительного этапа истории пруссов (XII–XIV вв.) сохранилось немало погребений, позволяющих судить об уровне культуры – в том числе военной – прусских язычников эпохи их вооруженной борьбы с Тевтонским орденом. Особенно богатые находки были сделаны немецкими археологами, раскопавшими в конце XIX в. прусское погребение близ Штангенвальде (на Куршской косе). Пруссы хоронили своих покойников (во всяком случае, представителей родоплеменной знати) в деревянных гробах, облаченными в нарядные одежды с дорогими украшениями (в числе которых было и немало монет Тевтонского ордена). Мужчин погребали непременно с оружием – мечами, боевыми топорами и т. д. Не менее богатое прусское погребение было раскопано близ Гердауэна. Сделанные там археологические находки полностью подтверждают сообщение «Ливонской рифмованной хроники» (нем.: *Livlaendische Reimchronik*) о погребении прусских воинов, павших в бою с тевтонскими рыцарями в 1257 г., согласно которому прусские ратники были превосходно вооружены:

Spere, schilde, brunes, pfert,
Helme, keyen unde swert,
Brante man durch ihr willen;
Damit solden sie stilen
Den tuefel in jener worlde dort,

или, в переводе со средневерхненемецкого языка на современный русский:

«Копья, щиты, брони⁷, лошадей,
Шлемы, палицы и мечи
Сожгли там по их воле;
Этим они должны были утешить (или: насытить)
Дьявола в мире ином.

В данном случае речь шла о другом принятом у пруссов способе погребения – путем трупосожжения. Интересно, что среди перечисляемого вооружения прусских «дикарей» упоминаются кольчуги, панцири, шлемы и даже такое дорогое по тем временам оружие, как мечи. В погребениях находили многочисленные конские скелеты с удилами, стременами и сбруей, отделанной металлом (чаще всего – железом). Оружие (мечи, секиры, копья и т. д.), а также конская сбруя, стремяна и шпоры прусских воинов часто инкрустировались серебром. Среди находок, сделанных в прусских погребениях, были особенно распространены подковообразные заколки-фибулы, а также бронзовые чаши, на которых были вырезаны фигуры ангелов и различные орнаменты (изделия христианских стран позднероманской эпохи).

Итак, эти якобы «дикие» пруссы на поверку были хорошо вооруженными, опытными в военном деле противниками, способными успешно противостоять тевтонским рыцарям не только на суше, но и на воде. У них имелись большие боевые корабли. Так, например, при осаде пруссами орденского замка Кёнигсберг «тевтоны» потопили несколько прусских кораблей (которых было в общей сложности 5), пустив при этом на дно 50 прусских воинов.

Ведя боевые действия на суше, пруссы предпочитали тактику «малой» (партизанской) войны, часто используя засады, неожиданные нападения, стремительные набеги и т. д.,

⁷ Кольчуги или панцири.

однако не раз сходились с «тевтонами» и в больших полевых сражениях. Они нередко побеждали воинов Христовых, но, как правило, им не удавалось воспользоваться плодами одержанных побед. Обычно пруссы довольствовались тем, что могли вернуться домой с добычей.

Простые пруссы жили в бревенчатых избах, крытых камышом или соломой. Их домашняя утварь ограничивалась самыми необходимыми предметами.

Сказанное, разумеется, не относится к знатным пруссам (военным вождям и их дружинникам), жившим исключительно войной и привозившим из постоянных набегов на соседей богатую добычу.

Одежда пруссов, изготовленная чаще всего из шерстяных тканей, отличалась простым покроем и, судя по сохранившимся описаниям и изображениям, напоминала литовский народный костюм. В пище пруссы также были неприхотливы. В то же время они очень любили пиры с обильными возлияниями и обычно напивались допьяна. Те, кто были победнее, угощались на пирах хмельными медами, а те, кто побогаче, предпочитали алкогольный напиток покрепче, изготовленный из перебродившего кобыльего молока (короче говоря – кумыс). Подобно латышам, литовцам, русским и угрофинским народностям, пруссы очень любили париться в бане.

Они изготовляли для себя только самые необходимые предметы, а более художественные изделия приобретали путем обмена у соседей, находившихся на более высоком уровне развития. Так, они умели сами перерабатывать лен и шерсть в ткани, но предпочитали обменивать добытые на охоте меха на готовую шерстяную одежду, и в том числе на столь любимые ими ткани с вплетенными в них мелкими бронзовыми колечками.

Письменности пруссы не знали, поэтому изумлению их не было предела, когда христианские миссионеры показывали им, как при помощи букв можно передавать слова и мысли отсутствующих людей.

Пруссы, отличавшиеся исключительной храбростью на поле боя, обладали и другими привлекательными чертами национального характера. Так, в эпоху, когда христианские народы, как чем-то само собой разумеющимся, пользовались так называемым «береговым правом» (позволявшим прибрежным жителям невозбранно грабить корабли, выброшенные бурей на берег, а мореходов даже убивать), пруссы оказывали помощь морякам и купцам, потерпевшим кораблекрушение или преследуемым морскими разбойниками. Как писал в 1075 г. Адам Бременский: «Можно было бы сказать немало похвального об обычаях пруссов, если бы только они исповедовали христианскую веру».

И в самом деле, религия пруссов была связана с жестокими, варварскими обычаями, включая сожжение пленников живьем на кострах. Их представления о браке также свидетельствовали о крайне низком уровне культуры. У пруссов процветало многоженство. Жен покупали и считали собственностью мужей, которые использовали их для домашних работ и для любых других целей. По обычаю, якобы завещанному пруссам их первым верховным жрецом (криво-кривейте) Прутеном (Прутено или Брутено), мужьям разрешалось даже сжигать жен на костре, если те нарушали супружескую верность или заболели, да и по целому ряду других причин. Если муж умирал, жены переходили в собственность его старшего сына. Бывало и так, что отец и сын, из экономии, покупали себе одну общую жену на двоих. Учитывая все данные обстоятельства, не представляется удивительным, что прусские отцы семейств (обладавшие неограниченной властью над детьми и над всеми членами семьи, включая и рабов), предпочитали убивать своих дочерей, чтобы не обрекать их на столь печальную участь. В одной из своих булл, изданной в 1218 г., (анти)папа Гонорий III упоминает жестокий обычай пруссов оставлять в живых только одну из своих дочерей, ради продолжения рода.

Что касается внешности пруссов, то они (как и близкородственные пруссам литовцы) описываются как рослые, пропорционально сложенные люди вполне «нордического» типа – с голубыми глазами, белым цветом кожи и мягкими, светло-русыми или рыжеватыми волосами.

Язык пруссов был очень близок современным литовскому и латышскому языкам (то есть был не славянским, а балтским). Он оставался разговорным в Пруссии еще в эпоху Реформации, и первый светский герцог Пруссии, бывший Верховный магистр (гохмейстер) Тевтонского ордена Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах, повелел перевести лютеранский катехизис с немецкого языка на прусский. Однако уже в 1625 г. мало кто пользовался в повседневной жизни прусским языком.

Религия пруссов заключалась в поклонении силам природы. Как писали орденские хронисты, пруссы «в своих заблуждениях почитают всякое существо как бога: солнце, луну и звезды, птиц, четвероногих зверей и даже жабу». Правда, они поклонялись животным не как таковым, а как символам богов или потому, что те обитали рядом со святилищами.

Несмотря на нашедшие в эпоху Ренессанса широкое распространение представления о том, что главными богами прусских язычников являлись Перкунас, Потримпас и Пиколлос, документально подтверждено их поклонение, в эпоху христианизации Пруссии Тевтонским орденом, только божеству Курхе. В послании Вармийского (Эрmlandского) епископа папе римскому упоминаются также такие боги пруссов как Патоллус и Натримпе, наряду с другими «богохульными фантазмами», однако без указания их «функций».

Поляки долго вели с пруссами пограничные войны, в которых успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Наконец польский князь (а с 1025 г. – король) Болеслав Храбрый, вассал римско-германского императора Оттона III, в конце X в. отвоевал у пруссов Хелминскую землю.

Именно при Болеславе отпрыск знатного и состоятельного чешского (богемского) рода Адальберт (по-чешски: Войтех, по-польски: Войцех) начал проповедовать среди пруссов христианство, что вполне соответствовало интересам Польши, надеявшейся, что, приняв христианскую веру, пруссы утратят хотя бы часть своей свирепой воинственности.

Адальберт начал свою проповедь среди пруссов словами: «Я – славянин и ваш апостол!» Почему-то некоторые историки делают неправомерный вывод о том, что пруссы были якобы не балтами, а славянами, как и святой Адальберт, именно на основании этих слов, хотя из них ничего подобного не явствует.

Узнав о цели прихода христианского миссионера, прусские язычники потребовали от него покинуть их страну. Тем не менее он проповедовал среди пруссов в течение пяти дней, после чего был убит. Голова Войцеха была отсечена язычниками и насажена на длинный шест – в назидание всем проповедникам христианства...

Несмотря на мученическую смерть Адальберта-Войцеха, Болеслав Храбрый не отказался от мысли обратить пруссов в христианскую веру. По его просьбе миссию Адальберта продолжил немец Брун (Бруно или Брунон), отпрыск рода графов Кверфуртских (родственников римско-германского императора Оттона III). Однако в скором времени миссионер и 16 сопровождавших его «латинских» (римско-католических) монахов были обезглавлены прусскими язычниками в Восточной Пруссии.

Только в Мазовии пруссы в ходе набегов сожгли 250 церквей и 1000 деревень, убили около 20 000 и угнали в полон 5000 жителей. Даже учитывая известную склонность средневековых хронистов к гиперболизации, не подлежит сомнению, что число жертв прусских набегов было огромно. Если бы не вмешательство Тевтонского ордена, откликнувшегося на слезные мольбы Конрада Мазовецкого о помощи, пруссы вполне могли завоевать польские земли. Но, как бы то ни было, благодаря своевременному вмешательству рыцарей Девы Марии, этого не произошло.

Гохмейстер «тевтонов»⁸ брат Герман фон Зальца согласился не сразу. Он долго вел переговоры и торговался с Конрадом Мазовецким, обязавшимся наконец, по Леслаускому договору 1230 г., передать ордену Девы Марии всю Хелминскую землю (нем.: «Кульмерланд», Kulmerland, Culmerland) от Древенца до нижней Вислы.

Папа римский санкционировал миссию ордена «мариан», а римско-германский император Фридрих II выданной в итальянском городе Аримине (Римини) особой грамотой (так называемой «Золотой буллой Римини») даровал Верховному магистру «тевтонов» в Пруссии (которую, повторимся, еще предстояло завоевать) все права суверенного государя (в Леслауском договоре не было оговорено главенство Польши – а точнее говоря, Конрада Мазовецкого – над Тевтонским орденом на дарованных ему землях; император Фридрих и папа римский воспользовались данным обстоятельством, объявив эти владения ордена Девы Марии собственностью Римско-католической церкви).

Таким образом, Тевтонский орден на дарованных ему и впоследствии покоренных и христианизированных им прусских землях не являлся ленником, или вассалом, ни Конрада Мазовецкого, ни германского («римского») императора, получив полную автономию и избавившись от верховного владычества над собой Священной Римской империи (германской нации).

В результате многолетней войны собравшимся со всей Европы крестоносцам под предводительством Тевтонского ордена удалось наконец покорить Пруссию. Победы «тевтонам» обеспечивал именно постоянный приток крестоносцев со всей Европы. Особенно важную роль играли английские крестоносцы. В честь них основанный в 1230 г. «тевтонами» очередной замок был назван Георгсбургом («Георгиевским замком», то есть «Замком святого Георгия» – небесного покровителя и заступника «веселой Англии»). Не менее активно участвовали в вооруженных паломничествах ратей Тевтонского ордена в земли языческих пруссов также французские и шотландские крестоносцы (в частности, представители рода Сен-Клэров, или Синклеров).

При покорении Пруссии западными христианами вовсе не произошло геноцида прусского населения и замены его немецкими колонистами.

Вопреки этим широко распространенным, но оттого не менее ложным представлениям, Тевтонский орден совершенно не стремился к поголовному истреблению не только пруссов, но и других прибалтийских племен (и тем более – славян). В его задачу входило обращение язычников в христианскую веру, и это являлось как бы единственным оправданием всех его завоеваний. Большинство пруссов, приняв (пусть и не всегда и не совсем добровольно) Святое Крещение, продолжало жить на прежнем месте, хотя и под новыми, христианскими, именами, в качестве арендаторов орденских земель или горожан, составляя вспомогательные дружины ордена Святой Девы Марии в военное время – подобно «чуди» (эстам-эстонцам) в орденской Ливонии. Эти прусские слуги Тевтонского ордена (проживавшие частично в орденских замках, частично – в предоставленных им орденом «мариан» на правах военного бенефиция (поместья) имениях, расположенных в сельской местности), именовались «витингами», «вейтингами» или «вайтингами».

⁸ Единственным внешним отличием Верховного магистра от остальных рыцарей ордена Приснодевы Марии в описываемый ранний период орденской истории являлся нашитый на груди его белого кафтана (котты) или полукафтанья (сюрко) черный крест с серебряной окантовкой – первоначально прямой, но со временем превратившийся в лапчатый. И лишь позднее в гардеробе тевтонских гохмейстеров появились упоминаемые в расходных книгах орденского казначея отороченные лисьим мехом перчатки, собольи накидки с золотой каймой, шелковые плащи, дорогие русские меховые шапки, серебряные пряжки, золотые шпоры, янтарные четки и прочие предметы роскоши, отнюдь не подобающей монахам (пусть даже и рыцарского звания). К концу XV в. серебряную окантовку, судя по дошедшим до нас иллюстрациям и гравюрам, получили и черные лапчатые кресты на белых плащах простых рыцарей и священников Тевтонского ордена. Именно этот черный, прошитый серебром тевтонский крест впоследствии, в начале XIX в., вдохновил прусских художников на создание знака Железного креста, а в годы Первой мировой войны – эмблем для боевых машин и самолетов германской армии.

«Тевтонам» (как, скажем, и крестителю Руси святому равноапостольному князю Владимиру Красное Солнышко) приходилось порой насаждать христианство огнем и мечом. Поэтому не представляется удивительным, что в 1260 г. на покоренных землях вспыхнуло восстание пруссов, продолжавшееся до 1273 г. Лишь ценой огромных усилий, большой крови и при помощи «гостей», то есть крестоносцев-«интернационалистов», съехавшихся для вразумления язычников со всех концов Европы, Тевтонскому ордену удалось наконец подавить восстание пруссов (при помощи части прусской знати – «витингов», – сохранивших верность христовой вере и Ордену, как своему «коллективному сюзерену»).

Необходимо заметить, что среди пруссов еще до появления на их землях «тевтонов» шла ожесточенная борьба за власть между военными предводителями – «куни(н)гасами» – и языческими жрецами, приводившая во многих случаях к переселению прусских военных вождей с их дружинами в соседние земли – например, в Литву или в Новгород, где даже возник целый «Прусский конец (квартал)»⁹. Душой восстания против власти христианского Тевтонского ордена были как раз языческие жрецы («криве») пруссов. Поэтому не представляется удивительным, что многие военные вожди пруссов, в поисках союзников против своих врагов-жрецов, принимали в этой борьбе сторону «тевтонов», враждебных, будучи христианскими миссионерами, врагами языческих жрецов «по определению».

При достижении поставленной цели «орденские братья», как и все тогдашние «крестители», не слишком-то стеснялись в выборе средств. Покоренные пруссы были поставлены перед выбором: «Крещение или смерть» (нем.: *Taufe oder Tod*). В конце концов они «покорились вере и братьям», по выражению орденского хрониста. После покорения пруссов начался процесс их постепенной германизации, сопровождавшийся колонизацией прусских земель переселенцами из Германии. Базой для нее являлась «Кульмская грамота» (нем.: *Kulmer Handfeste*) 1233 г., гарантировавшая будущим переселенцам – как крестьянам, так и горожанам – в прусские владения Тевтонского ордена широкие права и заманчивые привилегии. Свои завоевания в Пруссии орден Девы Марии закреплял и защищал, возводя все новые замки (бурги), которые первоначально представляли собой деревянно-земляные укрепления, а впоследствии (в особенности после восстания пруссов 1260–1273 гг.) строились из кирпича или из камня¹⁰. Крупнейшими из этих замков были Торн (1231), Мариенвердер (1233), Эльбинг (1237), Христбург (1247), Мемель (1252), Кёнигсберг (1252) и Мариенбург-на-Ногате (строительство которого началось в 1274 г.).

⁹ Наличие в славянском (по преимуществу) Новгороде «прусского конца» (квартала), Прусской улицы и тому подобные исторические факты вовсе не служат доказательством славянского происхождения переселившихся в Новгород балтийских прус(с)ов. Во многих городах средневековой Европы – например, в Киеве, Царьграде, Вормсе, Кельне и др. – были иудейские кварталы. Это вовсе не означает, что жившие в них иудеи были славянами, греками или немцами. На прусском языке во владениях Тевтонского ордена (а впоследствии – в учрежденном на их месте немецком светском Прусском герцогстве) говорили еще в XVI в. Тогда же, в эпоху Реформации, был составлен прусско-немецкий словарь, сохранившийся до наших дней. Из него однозначно явствует, что прусский язык был не славянским, а балтским, близко родственным литовскому и в несколько меньшей степени – латышскому. Известные слова немецкого философа Фридриха Ницше о том, что «немцы вошли в число великих наций благодаря большому проценту славянской крови», относится к действительно вобравшим в себя немало славянских крови и черт немцам-бранденбуржцам, немцам-саксонцам и немцам-мекленбуржцам (покорившим и обратившим в христианство полабских, т. е. живущих по Эльбе, славян-вендов, или сорбов), а также к немцам-пруссакам (ибо в состав королевства Пруссии после трех разделов Польши в конце XVIII в. действительно вошло многочисленное славянское – польское, кашубское и мазурское – население), но никак не к балтам-пруссам, из смешения которых с немецкими колонистами, прибывавшими на протяжении ряда веков из разных частей Германии, образовался субэтнос пруссаков. Не случайно в русском языке проводится четкое различие между прус(с)ами (балтами) и пруссаками (немцами). Кстати, в немецкой (и не только немецкой) ученой среде распространена точка зрения, согласно которой древние прус(с)ы образовались в результате смешения древних балтских племен с германцами-готами, переселившимися в Прибалтику из Скандинавии (в том числе с острова Готланд). Так, скажем, название прусского военного вождя – «кунингас» – явно происходит от древнего германского слова «кунинг» (король), родственного скандинавскому «конунг», немецкому «кениг» и английскому «кинг», имеющим аналогичное значение.

¹⁰ «Тевтонские» замки в Пруссии чаще строились из кирпича (производство которого было налажено «марианами» на месте), а в Ливонии (Лифляндии) – из камня.

Прусские простолюдины, добывавшие себе хлеб насущный в качестве сельскохозяйственных рабочих и арендовавшие небольшие участки земли у «витингов», именовались «гертнерами». Представители этой категории прусских подданных Тевтонского ордена в случае войны сопровождали своих помещиков-«витингов» в качестве пеших воинов, вооруженных достаточно просто (обычно – боевым топором и ножом) и имевших из защитного вооружения в лучшем случае щит и шлем (железный колпак).

Многие прусские военные вожди, отчаявшись в победе над «марианами», но не желавшие им покориться, бежали со своими дружинами в соседнюю Литву или в Новгород, где даже возник целый «Прусский конец (квартал)».

К 1253 г. восстание пруссов было подавлено «марианами» и пришедшими им на помощь крестоносцами. Не располагая осадной техникой, повстанцы оказались не в состоянии овладеть орденскими замками и вытеснить «тевтонов» из Пруссии, лишив их опорных баз.

В 1254 г. в Пруссию прибыло многочисленное крестоносное ополчение под командованием богемского короля Оттокара II Пшемысла, маркграфа Оттона Бранденбургского и графа Рудольфа фон Габсбурга (которому, по велению судьбы, было суждено впоследствии разгромить и убить Оттокара в борьбе за престол Священной Римской империи).

Крестоносцы замирили прусские племена севернее реки Прегеля (Преголи) и заложили на высоком холме («горе») близ реки крепость Кёнигсберг¹¹, назвав ее «Королевской горой» в честь чешского короля Оттокара.

К 1283 г. все уцелевшие к тому времени прусские вожди-«куни(н)гасы» присягнули на верность Тевтонскому ордену Святой Девы Марии. Этот год считается годом окончательного замирения Пруссии. Первоначально «тевтоны» оставляли простым пруссам их свободу, а знатым – их привилегии (если пруссы принимали крещение). У отказавшихся креститься конфисковали имущество, а самих изгоняли. Во время и после восстаний пруссы были поставлены вне закона. Многих из них убивали, а тех, кто остался в живых, обращали в рабов – «дреллов» (нем.: Drellen) или расселяли по другим землям. Кроме того, орден Приснодевы Марии постоянно мобилизовал прусских мужчин в свое войско во время походов.

В то же время очень многие вожди местных племен добровольно принимали христианство и активно участвовали в военных походах Тевтонского ордена. Орден Девы Марии весьма ценил их за верную службу и старался по достоинству вознаградить. Как правило, в качестве награды отличившимся неопитам предоставлялись земельные наделы, освобождение от податей и т. д. Поэтому с течением времени даже те из пруссов, куршей, ливов, леттов, латгалов, земгалов (семигалов) и эстов, кто поначалу оказывал ордену активное сопротивление, постепенно смирялись с положением вещей и начинали ему служить. Немалую часть орденского войска составляли воины-прибалты, принявшие христианство или склоняющиеся к его принятию.

В орденских хрониках историков Петра из Дусбурга, Иоганна (Иоганнеса, Иоанна) из Посильге (Посилие), кёнигсбергского капеллана Николая (Николауса) из Ерошина и др. зафиксированы имена многих крещеных пруссов, верно служивших делу ордена и своей кровью, пролитой на поле брани, засвидетельствовавших свою верность Христу и Верховному магистру, – Глаппо, Стовмел, Конрад-Дьявол, Мартин из Голина и многие другие прусские «витинги».

Правда, некоторые из окрещенных прусских «витингов» – например, известный своим участием в «Великом восстании пруссов» 1260 г. ренегат Генрих Монте (Геркус Мантас) – изменяли ордену, но такие были скорее исключением из правила. Как правило, «тевтоны» расправлялись с изменниками не менее беспощадно, чем, скажем, святой благоверный князь

¹¹ По-польски: Кинсберг или Крулевец.

Александр Невский. Генриха Монте, например, поймав его в лесу (возможно, почитавшемся жрецами прусских язычников священным), в котором он укрывался, привязали к дереву, сорвав с него рубаху, и пригвоздили мечом к древесному стволу (или повесили). Был казнен и изменивший ордену вождь пруссов Гланде. Другой Гланде (вероятно, родственник казненного предводителя мятежников) бежал из Пруссии в Новгород. Возможно, именно он был тем самым знатным пруссом Гландой Камбиллой, который, приняв христианскую веру в ее православном варианте, под именем Андрея Кобылы, стал на Руси прародителем рода Романовых, взошедших в 1613 г. на царский престол.

В походах орденского войска «витинги» выступали под собственной хоругвью (баннером, или знаменем).

Прусские подданные ордена Девы Марии вели со своим коллективным сюзереном переговоры через особого представителя их интересов – «ландкеммерера» (Landkaemmerer), которому помогали подчиненные ему «пакморы» (Pakmore). Аналогичных представителей, именовавшихся «флодерами» или «влодерами» (Vloder), имело и вассальное по отношению к Тевтонскому ордену поморское (померанское) дворянство.

Аналогичные процессы происходили и в Ливонии, где «Воинству Христову» («братьям-рыцарям Христовым») – ордену меченосцев (гладиферов или «братьев Меча», нем.: Schwertbrueder) – оказывали активную поддержку, например, окрестившийся вождь (король) угро-финского племени ливов (по которому завоеванная крестоносцами-«латинянами» земля, собственно, и была названа Ливонией, хотя ливы, именуемые друвнерусскими летописцами «ливь», отнюдь не являлись ее единственным туземным населением) Каупо и его сын, погибшие в бою с язычниками-эстами (предками современных эстонцев). От Каупо и его сына произошел известный прибалтийский род фон Ливен, многие представители которого сыграли выдающуюся роль в российской истории. Но это так, к слову.

На военную службу крещеные союзники «тевтонов» (именовавшиеся, как мы уже знаем, в русских летописях «чудью») являлись в своем исконном вооружении. Конные прусские воины-«витинги», или «великие (большие) свободные» (по «тевтонской» орденской терминологии) – в сфероконических шлемах с кольчужной бармицей, кольчугах или пластинчатых (ламельлярных) панцирях (по-немецки: «платтенгарниш», Plattenharnisch; поэтому военная служба прусской знати Тевтонскому ордену именовалась «платтендинст», Plattendienst), с большими круглыми или каплевидными щитами, копьями, мечами или длинными боевыми тесаками («дуссаками» или «дуссегами», о которых еще пойдет речь далее). Пешие («малые свободные») ратники – тоже в шлемах с бармицами, кольчужных рубахах, с круглыми щитами, копьями, сулицами (дротиками) и боевыми ножами (мечи стоили дорого и были далеко не всякому по карману). Необходимо заметить, что вспомогательные контингенты орденских войск оказали немалое влияние на тактику боевых действий и даже на состав вооружения «тевтонов» в Прибалтике.

Многие элементы прибалтийского вооружения – например, дротики-сулицы, или легкие круглые прусские щиты, равно как и литовские щиты-тарчи с вертикальным рельефным выступом посередине (так называемые «пруссские павезы»), со временем заняли полноценное место в комплексе военного оснащения воинов Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в Пруссии и Прибалтике, придав ему специфический, неповторимый облик.

Так, в сражении при Танненберге (Грюнвальде) 15 июля 1410 г., если не решившем окончательно, то во многом предопределившем исход противоборства рыцарей Пресвятой Девы Марии с поляками и Литвой и судьбу Тевтонского ордена в Пруссии, даже многие рыцари отборного отряда орденского войска, атаковавшего польского короля Владислава, были, в отличие от противостоявших им поляков, вооружены не длинными тяжелыми копьями, а именно сулицами (вследствие чего поляки из состава атакованной «тевтонами» Великой Королевской хоругви поначалу даже приняли их за литовцев).

Когда папа римский Григорий IX объявил очередной Крестовый поход против язычников в Пруссии, «тевтоны», собрав все наличные силы, прошли всю территорию от Немана до Вислы. В ходе Крестового похода Польша лишилась Добжинской (Добринской) земли и Поморья (Померании), Куявия же сделалась территорией постоянных набегов и войн. К 1237 г. орден Святой Девы Марии завладел восточным побережьем Балтийского моря и устья рек Вислы, Дины и Немана (Мемеля).

На завоеванной многонациональными армиями крестоносцев во главе с «тевтонами» территории и сложилось упоминавшееся нами выше самостоятельное тевтонское орденское государство, просуществовавшее до начала XVI в.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что «братья» Тевтонского ордена составляли только отборные части и гарнизоны возводившихся на покоренных землях замков. Все крупные сражения были выиграны крестоносцами, съезжавшимися на помощь «тевтонам» сначала из Польши и Северной Германии, а впоследствии – со всей германской метрополии, из современных Бельгии и Голландии, Франции и Англии.

Покорив и обратив в христианство пруссов, «тевтонам» сразу же пришлось иметь дело с другим, родственным пруссам, и не менее агрессивным языческим племенем – литовцами. В последующие десятилетия в среде европейского дворянства вошло в обычай получать посвящение в рыцари «в Пруссии» (которую в то время нередко путали с Литвой¹² из-за близ-

¹² Кстати говоря, первое упоминание топонима «Литва» в письменных источниках связано с христианской миссией (он упоминается в связи с убийством в 1009 г. святого Бруно Кверфуртского язычниками на границе Пруссии и Литвы). Литовцы приняли христианство после всех других европейских народов. Великий князь Литвы Миндовг-Миндаугас был крещён в 1251 г., а спустя 2 года, с благословения папы римского Иннокентия IV, коронован королем Литвы. Однако, вследствие постоянных политических и военных конфликтов с орденом Приснодевы Марии, Миндовг, через десять лет после крещения, отрёкся от христианской веры. Великий князь литовский Гедимин (1316–1341), основатель династии Гедиминовичей, всю свою жизнь оставался язычником, несмотря на то, что в письмах папе римскому Иоанну XXII неоднократно лицемерно выражал желание принять христианство. Потомки Гедимины по политическим соображениям также балансировали между язычеством и христианством, и в то же время между Западной (Римско-католической) и Восточной (Греко-кафолической, или православной) церковью. Сын Гедимины Ольгерд, имнуемый современными литовскими историками Альгирдасом (1345–1377), принял православное крещение, но, по мнению Владимира Антоновича, старался придавать своему вероисповеданию частный характер, не принуждая своих подданных креститься, вследствие чего большинство литовцев сохраняло языческие верования. Несмотря на принятие великим князем Ольгердом христианства по православному обряду, в его правление приняли мученическую смерть за веру православные Виленские мученики (1347) и католические монахи из духовного ордена францисканцев (1368). Православные Виленские мученики – придворные литовского князя – Антоний и Иоанн были повешены литовскими язычниками за исповедание христианства. Евстафия же язычники перед повешением подвергли трехдневным пыткам, перебив ему ноги, срезав с головы волосы с кожей и отрезав нос и уши. Виленские мученики прославлены Русской православной церковью. Крещение Литвы (по римско-католическому обряду) произошло лишь при сыне Ольгерда – Ягайло (Йогайло, Ягайле, по-польски: Ягелло), окрещенном при рождении по православному (восточному) обряду, но впоследствии впадшем в язычество. 14 августа 1385 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским была заключена Кривая уния, положившая начало образованию двуединого литовско-польского государства. Уния предусматривала брак польской королевы Ядвиги и Великого князя Литовского Ягайло, коронацию Ягайло королем польским и крещение Ягайло и литовцев в католическую веру. 15 февраля 1386 г. Ягайло был крещен в столице Польского королевства Кракове под именем Владислав. Вслед за королем крестились его родственники и большая часть литовского великокняжеского двора. В 1387 г. Ягайло вернулся в Литву. В столице Литвы Вильне (ныне – Вильнюс) на месте святилища Пяркунаса (верховного бога литовского языческого пантеона, аналогичного прусскому Перкунасу) им был построен кафедральный собор Святого Станислава (христианского мученика и небесного покровителя Польши). В последующие несколько лет всё языческое население литовской области Аукштайтии (Аукштайте) было крещено по «латинскому» (римско-католическому) обряду (насколько искренне эти новоиспеченные «латиняне» обратились ко Христу – это уже другой вопрос), в то время как другая литовская область – Самогития (Жемайтия, Жемайте, Жмудь), отошедшая Тевтонскому ордену, оставалась языческой. В 1389 г. папа римский Урбан VI (формально являвшийся верховным главой Тевтонского ордена, стоящим выше гохмейстера) официально признал Литву христианской католической страной. Внук Ягайло, Казимир, был канонизирован и почитается Святым Небесным покровителем Литвы. Великий князь Литовский Витовт (Александр), двоюродный брат Ягайло, проводил активную церковную политику, построил целый ряд церквей, боролся с пережитками язычества. Последней литовской областью, принявшей христианство (естественно, по «латинскому» обряду), стала Самогития-Жемайтия, крещёная в 1413 г., после того как она, по 1-му Торнскому (Торуньскому) мирному договору не была отторгнута от владений Тевтонского ордена и передана под власть Великих князей Литовских. Надо ли говорить, что, несмотря на формальную ликвидацию язычества в Литве, к началу XV в. среди литовского крестьянства еще долгое время сохранялись языческие обряды и традиции – например, почитание ужей, дубов и т. д.

кого родства населявших обе области народностей), в ходе своеобразных, полных опасностей «сафари» против тамошних язычников. И неслучайно английский «рыцарь без страха и упрека» Найджел Лоринг, владелец герба с алыми розами и главный герой исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд» любимого писателя нашего детства сэра Артура Конан Дойля, также участвовал в Крестовом походе в землю Пресвятой Девы Марии:

«Во всех христианских землях снова царил мир, человечество пресытилось войнами, и удовлетворить свое страстное желание (совершить третий подвиг, который разрешил бы его от обета. – *В.А.*) Найджел мог только в далекой Пруссии, где тевтонские рыцари вели нескончаемые сраженья с литовскими язычниками. Но чтобы отправиться в Крестовый поход на север, человеку мало было обзавестись деньгами и завоевать славу доблестного рыцаря, и прошло еще десять лет, прежде чем со стен Мариенбурга Найджел взглянул на воды Фришгафа (по-польски: Вислинского залива. – *В.А.*), а потом выдержал пытку раскаленной плитой, когда отправлялся к священной скале Вотана (вероятно, все-таки не древнегерманского Вотана, а литовских богов Пяркунаса или Потримпаса. – *В.А.*) в Мемеле...» (Артур Конан Дойл. «Сэр Найджел»).

Впоследствии знатный английский рыцарь Ричард Йоркский, пришедший на помощь ордену Святой Девы Марии, со славой пал в битве с польско-литовским воинством при Танненберге 15 июля 1410 г., и даже враги дивились проявленной им доблести.

В 1237 г. Тевтонский орден включил в свой состав остатки ордена братьев-меченосцев («бедной братии Христовой»), организованного в 1202 г. по образцу ордена рыцарей Христа и Храма (храмовников-тамплиеров), основавшего в Ливонии (на территории современной Латвии и части современной Эстонии) отдельное государство и наголову разгромленного литовцами при Сауле (Шауле) в 1236 г. (в этой битве с литовскими язычниками пал и последний «войсковой магистр» – «геермейстер» меченосцев-гладиферов Фольквин, или Волквин, фон Винтерштетен). Первым провинциальным магистром (ландмейстером) Тевтонского ордена в Ливонии стал ландмейстер Пруссии Герман Бальк¹³.

¹³ В разных источниках фамилия первого ливонского (и одновременно – прусского) ландмейстера «тевтонов» пишется по-разному: Балк, Бальк, Балке, Бальке, Вальке, Фальке («Сокол») и т. д.

3. О прусском государстве Тевтонского ордена

Включив в свой состав владения меченосцев, Тевтонский орден к 1239 г. взял под свой контроль все балтийское побережье. Орденское государство имело строго иерархическую структуру. Орденские земли (провинции) Пруссия и Ливония (Лифляндия) были разделены на административные и военные округа – комтурства (комтурии) или фогтства (наместничества) и пфлегшафты (имения). Каждым комтурством руководил конвент (совет), состоявший (в идеале) из 12 орденских «братьев-рыцарей» во главе с комтуром, или комментуром (этому званию в других духовно-рыцарских орденах соответствовало звание командора или коммендатора). Комтур был облечен правом принятия решений (после предварительного обсуждения со своими братьями) в рамках своей зоны административной ответственности. Заместителем комтура являлся «домовый комтур» (гаузкомтур, Hauskomtur), облеченный правом принятия решений в отсутствие (или в случае болезни) комтура. Сюзереном (верховным владыкой) орденского государства являлся глава ордена Девы Марии – Верховный магистр (нем.: гохмейстер, homeyster, Hochmeister), избиравшийся пожизненно Генеральным капитулом (Верховным советом) Тевтонского ордена. Верховный магистр являлся также Верховным главнокомандующим орденской армией. Генеральный капитул, избиравший Верховного магистра, состоял из 12 членов – представителей «братьев-рыцарей», в число которых входили:

- 1) 5 высших должностных лиц – «гроссгебитигеров» («великих повелителей», именуемых в русскоязычной исторической литературе также «великими советниками» и «великими лицами») – ордена Приснодевы Марии из Пруссии,
- 2) ландмейстер (земский, или провинциальный, магистр) и ландмаршал (земский маршал) ордена Приснодевы Марии из Ливонии;
- 3) дейчмейстер (германский, или немецкий, магистр, то есть управитель орденскими владениями «тевтонов», расположенными на территории тогдашней Германии);
- 4) 4 наиболее авторитетных комтура.

Теоретически гохмейстер Тевтонского ордена был неограниченным, самодержавным правителем. Однако на деле в осуществлении функций управления орденом «мариан» Верховному магистру помогали упомянутые выше пять «гроссгебитигеров», Grossgebietiger (именовавшихся порой просто «гебитигерами», Gebietiger, то есть «повелителями»), с которыми Верховный магистр, согласно орденскому уставу, был обязан совещаться при решении важных вопросов.

В число этих «гроссгебитигеров» входили:

1) Великий комтур (нем.: гросскомтур, Grosskomtur) – заместитель Верховного магистра, осуществлявшего верховный надзор над управлением страной и над резиденцией ордена и Верховного магистра. В соответствии с кругом своих задач, гросскомтур пребывал в столице орденского государства (с 1274 г. – в Эльбинге, а затем – в Мариенбурге-на-Ногате).

2) Верховный маршал (нем.: оберстер маршал, Oberster Marschall, или просто маршал), отвечавший за все военные вопросы, включая вопросы вооружения и снаряжения. В XIV в. должность Верховного¹⁴ маршала была объединена с должностью комтура Кёнигсберга (вероятно, в связи с тем, что Кёнигсберг располагался в непосредственной близости главного – литовского – театра военных действий). В отсутствие Верховного магистра маршал становился Верховным главнокомандующим орденского войска (в этом случае маршалу должен был подчиняться даже великий комтур).

¹⁴ В русскоязычной литературе Верховный маршал «тевтонов» обычно именуется «Великим маршалом».

3) Верховный казначей (нем.: оберстер тресслер, Oberster Tressler, или просто тресслер, Tressler), ответственный и подотчетный за все финансы ордена Девы Марии. Его местопребыванием также был Мариенбург.

4) Верховный ризничий (нем.: оберстер траппьер, Oberster Trappier, Oberster Drappier, или просто траппьер, Trappier, Drappier, именуемый иногда в русскоязычной исторической литературе Великим ризничим или Великим интендантом), отвечавший за одежду и обувь «тевтонов». Его должность была объединена с должностью комтура Христбурга.

5) Верховный госпитальер (нем.: оберстер шпиттлер, Oberster Spittler, или просто шпиттлер, Spittler, нередко именуемый в русскоязычной исторической литературе Великим госпитальером или Великим госпиталарием), отвечавший за медицинскую службу, больницы и странноприимные дома (госпитали) Тевтонского ордена.

Со временем, когда, после завершения христианизации Пруссии и Ливонии, экономические аспекты (в первую очередь – торговля янтарем и хлебом) стали играть все более важную роль в жизни ордена Девы Марии, в его структуре появились соответствующие должности: «шефферы» (Schaeffer), руководившие торговыми операциями орденских комменд и подчинявшиеся «великим шефферам» («гроссшефферам», Grossschaeffer). Таких «великих шефферов» было два – один в Кёнигсберге, другой – в Мариенбурге. О размахе торговли Тевтонского ордена, скажем, пушниной, говорит хотя бы следующий факт. В 1399–1402 гг. – на пике своего экономического развития – орден Девы Марии вывез только из Новгорода (с которым активно торговали и сами «орденские братья», и расположенные в орденских владениях ганзейские города) более 300 000 беличьих шкурок. В иные годы «тевтонский» экспорт из Новгородской земли доходил до 500 000 шкурок белки, десятков тысяч шкурок ласки, нескольких тысяч горностаевых и соболиных шкурок, от 100 до 150 тонн пчелиного воска, необходимого для производства восковых свечей (только в город Ревель – нынешний Таллин – в 1368 г. было завезено из Новгорода 18 тонн воска) и т. д. Впрочем, довольно об этом...

Поскольку стабильной сухопутной связи между орденскими владениями в Пруссии и Ливонии не существовало, а большие размеры обеих орденских провинций (в особенности – более обширной и протяженной Ливонии) затрудняли эффективный контроль из прусского Мариенбурга, ландмейстер Ливонии (лат.: magister Livoniae или magister Livonie) фактически сам отвечал за ее судьбу. Заместителем и главным советником ливонского ландмейстера был ландмаршал. В истории Тевтонского ордена его ливонский филиал, несмотря на свое подчинение пребывавшему в Пруссии Верховному магистру, сохранял достаточно самостоятельное положение, что, вероятнее всего, объяснялось фактом возникновения ливонского филиала Тевтонского ордена на землях, завоеванных орденом братьев-меченосцев. Прибывавшие в Пруссию и проходившие там службу тевтонские «братья-рыцари» были родом, как правило, из Центральной и Южной Германии. «Братья-рыцари», прибывавшие в Ливонию, напротив, в большинстве своем были северогерманского и западногерманского происхождения.

Согласно уставу Тевтонского ордена, «братья-рыцари» были обязаны неустанно вести вооруженную борьбу с «врагами Креста и Веры». Вступавшие в орден «мариан» рыцари – как правило, младшие сыновья представителей средне- и мелкопоместного немецкого дворянства (министерялов), приносили обеты нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания. Однако не следует забывать, что они (по крайней мере, в большинстве своем) в описываемое время вступали в орден Девы Марии не только ради спасения души. Очень многие из них связывали с этим судьбоносным решением возможность вести рыцарский (воинский) образ жизни, то есть воевать с неверными (а война с неверными еще со времен блаженного Августина признавалась Церковью справедливой и богоугодной войной), получая при этом приличное рыцарю содержание на протяжении своей земной жизни.

Духовным окормлением членов ордена занимались «братья-клирики» («братья-священники»), число которых на первых порах было невелико. Впоследствии именно «братья-священники» составляли капитул соборов и избирались на епископские кафедры в Кульмской, Помезанской, Эрmlandской (Вармийской) и Замландской (Самбийской) епархиях (диоцезах), учрежденных в 1243 г. в завоеванной Пруссии. Только Эрmlandскому епископству удалось сохранить относительную независимость от Тевтонского ордена.

Отдельную группу или категорию («сословие», «чин») членов ордена Девы Марии составляли «братья-сарианты» (нередко именуемые в русскоязычной военно-исторической литературе «оруженосцами»), соответствовавшие «вооруженным сервиентам» (лат.: *servientes armorum*), или «вооруженным сержантам» других военно-монашеских орденов. Будучи совершенно полноправными членами ордена (хотя и не рыцарского происхождения и звания), «братья-сарианты» (также являвшиеся, в силу приносимых ими приведенных выше трех обетов, монахами) несли воинскую службу наравне с «братьями-рыцарями», отличаясь от них лишь несколько облегченными доспехами и вооружением. Число «братьев-сариантов» (нем.: «сариантсбрюдер», *Sariantsbrueder*, *Sarjantsbrueder*) Тевтонского ордена в Святой земле и в Пруссии превышало число таковых в орденской Ливонии.

От «братьев-сариантов» следует отличать «услуживающих братьев» (нем.: «диненде брюдер», *dienende Brueder*), или просто «динеров» (нем.: *Diener*), то есть буквально «слуг» Тевтонского ордена.

«Услуживающие братья» были неполноправными членами ордена Девы Марии. Они несли службу и выполняли различные работы в «орденских домах», а также нередко становились управляющими имениями Тевтонского ордена на завоеванных территориях.

Власть Тевтонского ордена распространялась также на его многочисленные, хотя и разрозненные, владения за пределами Пруссии и Ливонии – в Германии. Орденские владения в Германии были разделены на 12 земских баллеев (ландбаллеев). Непосредственное руководство ими входило в круг задач упомянутого нами выше германского магистра (дейчмейстера) Тевтонского ордена.

Кроме того, орден Приснодевы Марии имел разрозненные земельные владения (баллеи), расположенные на территории Голландии (например, Утрехтский баллей, существующий до сих пор), Австрии, Италии, Богемии (Чехии), Греции, на острове Кипр и даже в Испании. Во главе каждого из этих владений стоял особый земский комтур (ландкомтур), управлявший им под свою ответственность.

После завершения завоевания Пруссии Тевтонский орден обратил свои взоры на Запад, стремясь соединить свои владения по суше с Германией (или, точнее говоря, со Священной Римской империей). В результате «братья-мариане» вступили в конфликт с Польским королевством. В этом конфликте орден Девы Марии одержал верх и завладел Помереллией (Восточной Померанией, или Восточным Поморьем), а также портовым городом Данцигом (по-польски: Гданьском).

Верховный магистр Тевтонского ордена Зигфрид фон Фейхтванген (1303–1311) перенес в 1303 г. свою резиденцию (и тем самым – столицу ордена) поначалу в Эльбинг (по-польски: Эльблонг), а затем – в Мариенбург (по-польски: Мальборк, или Мальборг) на реке Ногате (на территории ливонских владений «тевтонов» имелся еще один Мариенбург, по-латышски: Алуксне). С этого момента должность ландмейстера Пруссии была слита с должностью Верховного магистра. После присоединения к орденским владениям Помереллии Мариенбург стал географическим центром орденского государства, простиравшегося от Германии – через Пруссию – до Ливонии. Тем самым магистр продемонстрировал всему миру, что государство Тевтонского ордена – самостоятельная и независимая держава. Благодаря своим гигантским размерам замок Мариенбург, резиденция Верховных магистров, стал наиболее зримым символом величия и могущества ордена Приснодевы Марии.

Завоевание Пруссии и части Померании, перенос резиденции руководства Тевтонского ордена и столицы орденового государства в Мариенбург и осуществление прав светского государя явились наглядными свидетельствами окончательной трансформации ордена из странноприимного братства в государственное образование. Тевтонский орден по-прежнему вел вооруженную борьбу с язычниками, распространял христианскую веру, помогал больным и убогим, однако отныне руководствовался наряду с этим и чисто государственными интересами. На христианизированных землях основывались новые замки, поселения и торговые города, под защитой ордена достигшие со временем цветущего состояния.

После завершения крещения прусских язычников орден «мариан», в силу своего устава, был обязан найти новых язычников, с которыми он должен был начать священную войну за их обращение в христианскую веру. Весь XIV век прошел под знаком ожесточенной вооруженной борьбы «тевтонов» с языческой Литвой. Эта борьба была кровавой и беспощадной с обеих сторон (а не только со стороны «мариан»). Так, литовские язычники обычно сжигали взятых в плен рыцарей и «гостей» Тевтонского ордена живьем на кострах (часто – вместе с их боевыми конями). «Тевтоны» вместе со своими союзниками также не щадили «поганых язычников».

Города, основанные на орденовой земле, были обязаны в военное время выставлять вооруженные отряды своих купцов и бюргеров (горожан) в помощь Тевтонскому ордену. Эти отряды горожан регулярно участвовали в походах на литовских язычников. Состоятельные купцы служили в полном рыцарском вооружении и доспехах, включая (к началу XV в.) шлем с забралом типа «армэ» или «гундсгугель» (нем.: Hundsgugel, то есть «собачья морда»), составляя тяжелую конницу («рейсигов», Reisige, от слова «рейс(e)», Reise, означающего в современном немецком языке «странствие» или «путешествие»), но означавшего в эпоху Средневековья «военный поход»), на тяжелых боевых конях. Городские ремесленники (члены цехов, или гильдий), владельцы небольших дворов (городских усадеб) несли военную службу в качестве конных (реже – пеших) арбалетчиков, в кольчугах или ламеллярных (пластинчатых) доспехах и «железных шляпах». Все граждане расположенных в тевтонских владениях городов регулярно проходили военную подготовку под руководством и надзором опытных орденовых инструкторов. Так, город Эльбинг, в зависимости от ситуации, выставлял от 24 до 216 воинов, выступавших в поход под знаменем (баннером) орденового комтура Эльбинга (вместе с «тевтонским» гарнизоном расположенного в городе орденового замка). Однако в критических ситуациях в ополчение призывали всех горожан, способных носить оружие. В битве орденового войска с польско-литовской армией при Танненберге 15 июля 1410 г. пало 550 ополченцев из Эльбинга (это очень много, учитывая, что все население города в 1410 г. составляло 8000 человек).

Более крупные города обмундировывали своих ополченцев в налатники цветов городского герба и выводили их в поле под городским знаменем. Иногда отдельные отряды имели собственные «походные знамена» («аусзугсфенлейны», Auszugsfaehnlein). Города побогаче могли позволить себе также нанять солдат «на стороне», чтобы усилить этими контингентами наемников собственное ополчение.

К Крестовым походам («рейсам», Reisen) «тевтонов» на языческую Литву охотно присоединялись многочисленные светские рыцари из Германии, Англии, Франции, Чехии, Венгрии, Польши и из других стран христианской Европы. Многие из этих «военных гостей» Тевтонского ордена преследовали идеалистическую цель обратить язычников в правую веру. Другие надеялись участием в Крестовом походе искупить свои грехи. Кроме того, быть посвященным в рыцари на поле боя с язычниками считалось весьма престижным.

Одним из этих крестоносцев-«интернационалистов» был, к примеру, французский рыцарь Филипп де Мезьер, служивший королю Кипра Петру I, автор известной поэмы «Сон старого пилигрима» (Songe de viel pelerin), сравнивавший походы в Литву с походами в Свя-

тую землю (и мечтавший об организации новой «крусады» в Святую землю с целью окончательного освобождения иерусалимского Гроба Господня от ига неверных), активно участвовавший в «рейсах» ордена на Литву даже после принятия последней христианства (как известно, во многом формального).

Впрочем, говоря о «языческой Литве» описываемого периода, не следует упускать из вида следующее немаловажное обстоятельство.

К середине XIV в. в состав Великого княжества Литовского вошли покоренные язычниками-литвинами (летувисами), ослабленные татаро-монгольским нашествием при хане Батые и последующими татарскими набегами, западно- и южнорусские княжества (Витебское, Волынское, Киевское, Пинское, Полоцкое, Черниговское, Смоленское и др.), население которых исповедовало христианскую веру в ее православном варианте. В результате их подчинения литвины-балты (аукштайты и жемайты), исповедовавшие, в подавляющем большинстве своем, язычество, оказались национальным меньшинством в общем составе населения Великого княжества Литовского. Одной из причин подчинения православного населения Западной Руси литовским язычникам была политика относительной религиозной терпимости (если не сказать – индифферентности), проводимая литовскими князьями (часто и многократно менявшими веру по соображениям политической выгоды – подобно тому, как их языческие подданные многократно принимали крещение, чтобы задаром получить новую белую крестильную рубаху). Кроме того, воинственные князья Литвы (находившейся, подобно упомянутым выше пруссам и монголам, в состоянии «пассионарного подъема») достаточно успешно противостояли татарским ханам Золотой Орды, не только отражая их набеги, но и, в свою очередь, нанося им ощутимые контрудары. Так, Великий князь Литовский Ольгерд в 1362 г. разгромил сразу трех татарских ханов в битве при Синих Водах. А Великий князь Литовский Витовт в 1399 г., собрав под своими знаменами громадное войско (в которое кроме чисто литовских и западнорусских дружин, вошли несколько сот польских и венгерских крестоносцев, а также военный контингент из 100 «братьев» Тевтонского ордена!), в союзе с Тохтамышем – ханом Золотой Орды, свергнутым ставленниками среднеазиатского завоевателя Тамерлана (Тимура, Темир-Аксак-хана, Тимурленга, Ленк-Тимура, «Железного Хромца»), чуть не уничтожил ослабленную нашествием Тимура Золотую Орду, но был разбит вассалом Тамерлана – новым золотоордынским ханом Темир-Кутлугом – и его полководцем Едигеем (Идигеем, Едике, Етике) в битве на реке Ворскле в 1399 г.

Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что в литовском войске князя Витовта, сразившемся с армией Тевтонского ордена в 1410 г. под Танненбергом, насчитывалось 36 (западно- и южно-) русских полков («хоругвей»). Семь русских хоругвей имелось, кстати, и в союзном литовцам польском войске (ибо Польша также присоединила к себе, после татарского нашествия, часть исконно русских земель).

Заметим в скобках, что именно попавшие под власть языческой Литвы западные и южные славяно-русссы, составлявшие подавляющее большинство воинов Великого князя Литовского Ягайлы (крещеного по православному обряду Яковом, но затем впавшего в язычество и позорно косневшего в этом язычестве, пока не принял наконец римско-католическую веру под именем Владислава), опоздав соединиться с полчищами золотоордынского темника Мамаю, разбитыми войском под предводительством благоверного Великого князя Московского Дмитрия Ивановича в 1380 г. на поле Куликовом, «отводили душу», убивая своих раненых в Куликовской битве татарами «православных братьев по вере (и крови)» из средне- и восточнорусских княжеств, когда те после победы над Мамаем возвращались с обозом в Москву. Но это так, к слову... Желающих узнать больше леденящих кровь подробностей об упомянутых нами событиях отсылаем к древнерусским летописям (а тех, кому

недосуг или лень копаться в летописях, – к фундаментальным трудам покойного профессора Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» и «От Руси к России»).

4. О войнах «мариан» с Литвой

Войны, а по сути дела, – одна бесконечная война «мариан» с литовскими язычниками, как и все войны, имела свою специфику.

Прибалтийские языческие племена, постоянно враждовавшие между собой, никак не могли сплотиться против общего врага. Именно эта разобщенность стала основным фактором, который позволил Тевтонскому ордену, совместно с ополчениями европейских крестоносцев, покорять их одно за другим.

Но достаточно было нескольким литовским племенам объединиться – и «марианам» не помогали ни лучшая дисциплина, ни лучшее вооружение. Литовцы, подобно своим сородичам-пруссам, отличавшиеся наибольшей воинственностью среди всех прибалтийских племен, не только сумели отразить все вторжения крестоносцев, но и сами неоднократно совершали походы в орденские земли (по большей части победоносные). При этом они не ставили себе целью захват чужих земель, совершая набеги ради захвата пленных (обращавшихся ими в рабов) и грабежа. Так, уже в 1203 г. литовцы совершили набег на только что построенный город Ригу, а на русские земли в период с 1200 по 1285 г. было совершено 18 крупных и множество мелких набегов. О том, что основным противником Христова воинства в Прибалтике были именно литовцы, непреложно свидетельствует следующий факт: из семи ландмейстеров «тевтонов», павших в бою при христианизации Ливонии в период с 1238 по 1296 г., шесть были убиты литовцами – не говоря уже о последнем магистре ордена меченосцев Фольквине (Волквине, Вольковине или Фолькуине) фон Винтерштеттене, убитом теми же литовцами в битве при Сауле.

Литовцы не только постоянно нападали на своих соседей, но и постоянно от них оборонялись. С Запада на них наступали «тевтоны», с Востока – русские княжества. Особенно опустошительным был поход, совершенный русскими войсками в литовские земли в 1258 г. Тем не менее литовцы упорно отстаивали свои земли и свое языческое «родноверие» (приняв христианство только в 1386–1389 гг., последними в Европе), предпринимая ответные набеги и на католические земли «латинян», и на православные русские княжества.

На протяжении всего этого времени литовцы жили в условиях традиционных патриархальных отношений, хотя, начиная с XIII в., по мере возрастания своей «пассионарности» (выражаясь языком Льва Гумилева) начали усиленно вооружаться. Особенно возросло число литовских конных воинов, которые в мирное время жили земледелием и скотоводством, однако были достаточно состоятельными, чтобы иметь дорогое железное оружие. Нередко состоятельные литовцы обладали значительными земельными владениями, которые сдавали в аренду свободным крестьянам-общинникам, составлявшим в военную пору пехоту литовского войска.

В случае войны литовцы собирали племенное ополчение – «кариас» (*karias*), именовавшееся у их сородичей-пруссов «кариа» (*caria*). Согласно данным летописей, литовские конные воины использовали низкие седла, более удобные, чем громоздкие седла тяжелой кавалерии как Запада, так и Востока. Летом литовские военные формирования постоянно отправлялись в набеги за добычей, именовавшиеся, как у «тевтонов», «рейсами» (лит.: *geussa*), захватывали скот, рабов и добывали себе воинскую славу.

Со своей стороны, «мариане» и их союзники-крестоносцы предпочитали для войны с литовцами зимнее время, когда замерзали болота и реки, а леса с опавшей листвой не давали укрытия для литовских «лесных братьев», постоянно ускользавших от воинов Христовых летом.

Однако литовцы (подобно пруссам, земгалам, эстам, карелам и финнам) совершали свои набеги (как на христианские земли, так и друг на друга) и зимой, на лыжах, пешими,

что давало им немалые преимущества, особенно в том случае, если снег был глубоким. Во время таких набегов взрослых мужчин обычно убивали (было бы очень сложно гнать их, в качестве пленных, домой без лыж, а встав на лыжи, пленники легко могли убежать). Предпочитали угонять в полон женщин и детей, хотя из-за них приходилось идти домой медленно. Такая добыча очень ценилась. Тех, кто не мог пригодиться в хозяйстве, продавали на сторону, соседним племенам или торговцам невольниками.

Что же касается военных приемов и вооружения, то тактика литовцев, странным образом, во многом напоминала тактику монголо-татар. Хотя литовские всадники больше пользовались метательным оружием в виде дротиков-сулиц, тогда как монголо-татары применяли преимущественно лук и стрелы. Литовцы также имели лучников, но, согласно хроникам, обычно не конных, а пеших. Лучники литовцев были хорошо обучены, превосходя частотой и меткостью стрельбы лучников из Германии и Скандинавии. Подобно монголо-татарам, литовцы предпочитали заранее подготовленному сражению стремительный, ошеломляющий набег, и быстро исчезали, прежде чем их жертвы приходили в себя для оказания отпора. Битвы, происходившие постоянно между небольшими отрядами самих литовских племен, чаще всего носили характер группового поединка, в котором обе стороны сражались пешими, а проигравшие отступали к лошадям и искали спасения в бегстве.

Основным оружием литовского всадника (кстати, своих покойников литовцы хоронили с оружием, по языческому обычаю) являлся меч (чаще всего немецкого производства), с рукоятью, изготовленной на свой, местный вкус. Некоторые рукоятки литовских мечей были изготовлены из железа и бронзы, нередко с серебряными украшениями и инкрустацией.

Наконечники литовских копий и сулиц (нередко очень длинные) были частью привозные, скандинавские, частью – местного производства. Доспехи собственного изготовления у литовцев до XIV в. встречались достаточно редко. Тем не менее в многочисленных войнах XIII в. литовцы захватили множество доспехов самого различного типа в боях с «тевтонами», поляками и русскими и носили их в боевой обстановке. Господствующим типом защитного вооружения в описываемое время, как и повсюду, у литовцев была кольчуга. Литовцы носили ее как поверх одежды, так и под ней (например, в зимнее время). Шлемы литовцы использовали преимущественно сфероконические, восточноевропейского образца. Кстати, такие шлемы достаточно часто носили рыцари, сарианты и кнехты Тевтонского ордена (не следует представлять их себе поголовно в широкополых шапелях-«эйзенгутах» и горшковидных шлемах-«топ(ф)гельмах»). Заметим, что горшковидные (горшковые) шлемы называются так достаточно условно. В действительности эти шлемы могли иметь форму не только горшка, но также ведра, котла или бочонка. Щиты были также традиционной, общеевропейской формы. А вот знаменитый «литовский тарч» («литовская павеза») пришел в Литву лишь в XIV в., причем из северо-восточной Польши, где (судя по сохранившимся печатям) начал распространяться с середины XIII в.

5. О христианских разбойниках-«струтерах»

В период бесконечных пограничных «малых войн» Тевтонского ордена с языческими племенами пруссов и литовцев обе противоборствующие стороны активно использовали в борьбе иррегулярные отряды так называемых «струтеров» (буквально: «прячущихся в кустах», от средневерхненемецкого слова «струт», *Strut*, т. е. «куст», «кустарник»). Летописец Тевтонского ордена брат Петр из Дусбурга в своей «Хронике земли Прусской» именовал «струтеров», выступавших на «тевтонской» стороне, по-латыни «христианскими латрункулами», *latrunculos Christianos* (буквально: «христианскими разбойниками»), что на русский язык традиционно переводится как «наемники» (хотя встречается и вариант «разведчики»). Начиная примерно с 1260 г., хроники постоянно сообщают о вооруженных отрядах «струтеров», состоящих на службе ордена Девы Марии. Согласно Петру Дусбургскому, в эти отряды входили «смелые люди, имевшие богатый опыт разбоя», называя среди них поименно, наряду с внушавшим страх и ужас язычникам предводителем «струтеров» Мартином из Голина, также Конрада по прозвищу Дьявол (Дювель, нем.: *Duwel*), Стовмела, Кудара из Судовии и Накама из Помезании (Судовия и Помезания – области, находившиеся во владениях Тевтонского ордена. – В.А.), которых сопровождали в вылазках на вражескую территорию «многие другие». Группы – или, если угодно, банды – «струтеров» (численностью от 5 до 50 человек), как правило, действовали не самостоятельно, а по заданию орденского руководства. Так, например, Мартин из Голина с четырьмя «тевтонскими братьями» и одиннадцатью пруссами захватил одну деревню в Судовии, взяв в плен и перебив ее жителей. У этого крещеного знатного прусса-«витинга» были особые счеты с единоплеменниками, продолжавшими коснеть в язычестве. В ходе набега прусских язычников на область крещеных пруссов, находившихся в подданстве Тевтонского ордена, один нехристь вспорол жене Мартина мечом живот, умертвив нерожденного ребенка, выпавшего из рассеченного материнского чрева на землю. С тех пор Мартин поклялся беспощадно мстить язычникам.

В 1278 г. отряд «струтеров» под предводительством Мартина из Голина с наступлением темноты совершил неожиданное нападение на деревню прусских язычников в еще не подчиненной власти ордена области Скаловии. Большинство захваченных в селении мужчин было убито, а женщины, дети и скот захвачены в качестве добычи. В 1224 г. отряд Мартина из Голина, по приказу комтура орденской области Кёнигсберг, совершил успешное и весьма эффективное нападение на имение литовского князя (племенного вождя-«кунингаса», именуемого в «Хронике» Петра из Дусбурга латинским словом «регулус», *regulus*, то есть буквально «царек», «королек»), где происходили свадебные торжества, на которые съехалось множество гостей, в том числе знатных язычников. В ходе нападения было убито 70 одних только знатных пруссов (именуемых Петром из Дусбурга на латинский манер «нобиями», то есть «благородными»). Было захвачено немало золота и серебра (привезенного ранее знатными пруссами и их дружинниками из набегов на своих менее воинственных соседей в качестве военной добычи) и угнано в полон множество женщин и детей.

Как «тевтоны», так и их противники использовали «струтеров» также для преследования вражеских отрядов, грабивших местных жителей или возвращавшихся к своим с награбленным добром и пленниками.

В период войн с литовцами Тевтонский орден, с целью своевременного предупреждения литовских набегов на орденское приграничье, организовал специальную разведывательную службу из представителей туземного населения.

Особые «сторожа» – «вартлейты» (нем.: *Wartleute*) из числа жителей подвластных Тевтонскому ордену прусских и литовских пограничных поселений, занятые сбором оперативной информации о противнике, за определенную плату сообщали орденским властям об

угрозе нападения вражеских «струтеров» или о замеченных ими военных приготовлениях на неприятельской стороне. Эти известия стекались к орденским должностным лицам – «гебитигерам» (нем.: Gebietiger, буквально: «повелителям») пограничных областей, которые незамедлительно пересылали их дальше – в Кёнигсберг, маршалу Тевтонского ордена (являвшемуся одновременно комтуром, то есть правителем Кёнигсберга).

Такие послания именовались «путевыми отчетами» (по-немецки: «вегеберихтами», Wegeberichte).

Орден не только оказывал своим «струтерам» материальную поддержку (хотя данные о регулярной выплате им жалованья отсутствуют – ведь «христианские разбойники» получали захваченную в ходе своих «спецопераций» долю добычи), но и одаривал особо отличившихся земельными наделами. Со временем они вливались в ряды «витингов», а впоследствии могли стать даже прусскими «ландриттерами» – светскими вассалами Тевтонского ордена.

В 1387 г. Тевтонский орден заключил с Великим княжеством Литовским договор, согласно которому определенные приграничные территории должны были падать под шайками «струтеров», состоявшими на службе высоких договаривающихся сторон.

Перед началом военных походов на язычников – «рейсов» (нем.: Reisen) – орденское командование, планировавшее эти регулярные предприятия, участникам которых предстояло прокладывать себе путь через труднопроходимые лесные дебри, поручало особым проводникам, или «лейтсманам» (от нем.: Leitsmann, т. е. «проводник») из числа туземного населения, хорошо знавших местность, разведать лесные дороги или тропы, пометив их особыми, заранее оговоренными с «тевтонами», знаками, заметными и понятными для следующих за ними крестоносцев и в то же время незаметными и непонятными для неприятеля.

Если «рейсы» происходили зимой (что случалось довольно часто, поскольку замерзавшие в зимнее время болота и водоемы становились более легко проходимыми для тяжелооруженных рыцарей, воинов и «гостей» ордена Девы Марии), то в преддверии похода «лейтсманам» или «лейтслейтам» (нем.: Leitsleute) были обязаны тщательно проверять прочность ледяного покрова на пути следования христианского войска.

Перед началом летних «рейсов» было не менее важно находить броды через реки и проходимые участки болот. Успех «рейса» зависел также от возможностей снабжения войска в походе и создания по пути следования складов провианта. В «Мариенбургской должностной книге» (Marienburger Aemterbuch) постоянно отмечались расходы на выплату вознаграждения прусским и литовским «проводникам» (вознаграждение выплачивалось им только за конкретный поход, регулярного же жалованья они, судя по всему, не получали).

В целях подготовки взятия вражеских замков и крепостей орденские соглашения разведывали прочность и толщину стен неприятельских укреплений, их высоту, строительные материалы, из которых они были возведены, а также другие подробности, важные для выделения штурмующим имеющихся в орденских арсеналах осадных машин или постройки новых на месте, и т. д. Нередко функции разведчиков выполняли не туземцы, а «братья» Тевтонского ордена. Полагаться во всем только на данные, полученные от местных «лейтсманов», было связано с определенным риском. Порой отряды крестоносцев сознательно заманивались «проводниками» (тайно перекупленными неприятелем или изменившими ордену Девы Марии в силу каких-либо иных причин), в непролазные дебри «по принципу Ивана Сусанина» или же под стрелы и дротики сидевших в засаде язычников. Однако бывали и случаи, когда «проводники» просто ошибались и сами сбивались с пути. Порой знаки, по которым ориентировалось выступившее в поход орденское войско, чтобы не заблудиться в девственных лесах Прибалтики, неожиданно «исчезали» – как водится, в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте!

Огромное значение для ордена Девы Марии имела организованная им надежная и быстрая система почтовой связи. «Тевтонская» курьерская служба с полным основанием могла считаться образцовой (по тем временам). Актуальная информация обо всех передвижениях неприятеля и о вражеских намерениях должны были своевременно доставляться в центры военного планирования, расположенные в Кёнигсберге – резиденции маршала ордена – и в Мариенбурге – резиденции Верховного магистра. Столь же незамедлительно приказы, принятые на основании полученной оперативной информации, должны были доставляться из резиденций Верховного магистра и маршала обратно, в пограничные комтуры, откуда оперативная информация поступала в центры планирования.

Настоятели орденских домов (замков-монастырей) – комтуры – пользовались специально обученными гонцами для срочного обмена информацией в целях согласования своих действий по преследованию неприятельских банд, постоянно вторгавшихся на орденские земли. Послание ливонского ландмейстера доставлялась этой курьерской почтой в мариенбургскую резиденцию Верховного магистра, расположенную на расстоянии шестисот километров от резиденции ландмейстера, всего за 10 дней.

В каждом «конвентсбурге» – орденском замке, являвшемся местопребыванием комтура (комментура, командора, коммендатора) – и конвента орденских «братьев-рыцарей» (состоявшего как минимум из 12 человек, не считая самого комтура), расположенном по пути следования гонца, последний был обязан представлять комтуру письма, которые он вез с собой, а комтур – проверять, не следует ли избрать для них какой-либо особый путь дальнейшей доставки, и снабжать их пометками касательно времени прибытия и дальнейшего следования гонца. Любое послание в течение всего нескольких дней доставлялось от самой границы орденского государства в его столицу.

На почтовых станциях, имевшихся в каждом орденском замке, постоянно держались наготове курьерские лошади особой местной породы, известные под названием «брифшвейки» (нем.: Briefschweiken, Briffsweyken), т. е. буквально «швейки (лошади прусской породы) для доставки писем» или «почтовые лошади». В этих замковых конюшнях гонцы могли в любое время дня и ночи сменить лошадей, чтобы, не задерживаясь (и наскоро выпив прямо в седле кружку доброго пива, умением варить которое издавна славились орденские пивовары) следовать дальше по почтовому тракту. В конюшнях кёнигсбергского замка маршала ордена всегда стояли наготове 10–15, а в замках комтуров – по 5–7 почтовых лошадей. Конные гонцы, обязанные сесть в седло по приказу в любое время суток, вербовались среди представителей коренного населения – пруссов, литовцев или латышей (а если быть точнее, то ливов, леттов, латгалов, земгалов и куршей, слившихся позднее в единый народ латышей), известных своей надежностью и преданностью ордену Девы Марии. За верную службу эти «бриффюреры» (нем.: Brieffuehrer, т. е.: «письмоноши» или «письмоноscopy») или «брифюнги» (нем.: Briefjungen, т. е. «почтовые парни») получали земельные наделы и освобождались от всех работ, оброков и прочих поборов.

За 31 год правления Верховного магистра Винриха фон Книпрوده (1351–1382) Крестовые походы «мариан» и их союзников – крестоносцев-«интернационалистов» – на Литву достигли своего апогея. Для этих военных предприятий, требовавших от своих организаторов немалых усилий и жертв, были характерны не столько полевые сражения, сколько постоянная необходимость преодолевать дремучие леса, бездорожье, болота, проблемы снабжения и логистики, и быть постоянно начеку (язычники, умевшие искусно приспособливаться к местности, постоянно устраивали засады). Решить свою основную, стратегическую задачу – добиться установления постоянного и надежного сухопутного сообщения между Пруссией и Ливонией – ордену «мариан» так и не удалось.

В 1386 г. было официально объявлено о крещении Литвы в римско-католическую веру. В 1389 г. папа римский официально признал Литву христианской страной. Крещение Литвы

(пусть даже чисто формальное) лишило Тевтонский орден повода совершать против литовцев Крестовые походы с участием европейских «интернационалистов». А если быть еще точнее – крещение Литвы вообще поставило под вопрос смысл и целесообразность существования Тевтонского ордена, основывавшего всю свою деятельность на необходимости обращения язычников в Христову веру.

6. О политической ситуации в прусском государстве ордена к 1400 г. и о причинах Великой войны с Литвой и Польшей

В конце XIV – начале XV в. Тевтонский орден, благодаря своей строгой организации, централизованному управлению и огромным доходам, находился в апогее своего могущества. За прошедшие 150 лет он создал на завоеванных и христианизированных, с огромными усилиями и жертвами, языческих землях орденское государство, которое, благодаря притоку колонистов, достигло завидного (для соседей) экономического процветания.

Немецкие колонисты, прибывавшие в орденские владения из всех областей средневековой Германии – прежде всего, из Нижней Саксонии, Бранденбурга, Силезии и со средней Эльбы, постепенно слились с исконным населением – балтами-прус(с)ами – в один народ (впоследствии вошедший в историю Германии, Европы и мира под названием пруссаков). В то время, разумеется, еще рано было говорить о «национальном самосознании» в современном смысле этого слова (хотя в настоящее время мы, к сожалению, являемся свидетелями все большей эрозии этого чувства под влиянием идеологии «глобализма»). Однако всех этих людей объединяло чувство родства и своеобразного «государственного самосознания». Образ жизни «братьев-рыцарей» претерпел немалые изменения. Теперь их целью было уже не только обращение в истинную веру и покорение язычников.

Тевтонский орден превратился в организацию, обеспечивавшую достаточно безбедную жизнь в этом, по-состороннем, мире своим членам, становившимся все более властолюбивыми и высокомерными. Новые рыцари, принимавшиеся в орден, по-прежнему были родом из Германии. Местных рыцарей – светских вассалов ордена Девы Марии, получавших от него поместья на условиях военной службы – в число орденских «братьев-рыцарей» не принимали (вне зависимости от того, являлись ли они потомками обращенных в христианство прусских «кунингасов» или же крестоносцев-«интернационалистов», прибывших когда-то из Германии или других стран христианской Европы на подмогу «тевтонам» для покорения Пруссии).

Местное население орденской Пруссии рассматривало рыцарей-монахов Тевтонского ордена, не имевших в Пруссии корней и сородичей, как чужаков. По Уставу «орденским братьям», как монахам, запрещалось не только жениться (вообще, а на местных девушках и женщинах – в частности), но и водить дружбу с местными мирянами. Следует также заметить, что к описываемому времени в Тевтонский орден вступали уже не только «пламенные идеалисты». Теперь все большее число «братьев-рыцарей» ожидало от вступления в орден «мариан», прежде всего, жизни, обеспеченной в материальном отношении. Другим, преисполненным доброй воли, в связи с их происхождением и воспитанием, полученным в далекой Германии, требовалось немало времени для того, чтобы ознакомиться с условиями и особенностями жизни в орденской Пруссии. Все это постепенно привело к окостенению традиционной, заданной орденом системы.

Сложившуюся ситуацию не смогли преодолеть даже такие выдающиеся Верховные магистры, как Винрих фон Книпрوده или Конрад фон Юнгинген (1394–1407). В лучшем случае им удавалось только отодвинуть во времени наступление неизбежной катастрофы. Тевтонский орден обосновывал легитимность (законность) своей власти тем несомненным фактом, что именно он заложил основы благосостояния и экономического процветания христианской Пруссии. Однако этот несомненный факт не мешал постепенному, но неуклонному упадку дисциплины и добродетелей Тевтонского ордена. Эти противоречия и рост напряженности постоянно нарастали по всей орденской Пруссии. Крупные и бога-

тые прусские города выражали все большее недовольство налогами, пошлинами и сборами (постоянно возрастающими после крещения Литвы, в результате которого заметно уменьшилось число «крестоносцев-интернационалистов» – «военных гостей» ордена Девы Марии, – охотно поднимавших меч на литовцев-язычников, но не на литовцев-христиан). Из-за уменьшения притока «военных гостей» (нем.: *Kriegsgaeste*) ордену «мариан» пришлось прибегнуть к вербовке наемников, стоивших немалых денег, что, в свою очередь, потребовало повышения налогов и пошлин.

Кроме того, орден Девы Марии по-прежнему сохранял за собой монополию на особо прибыльный экспорт различных природных богатств Пруссии, но в первую очередь – хлеба и янтаря (через свои торговые фактории в Мариенбурге и Кёнигсберге). Крестьянам во многих случаях приходилось выходить на безвозмездную барщину. Епископы зависели от Тевтонского ордена в административном отношении и находились под его строгим контролем.

Упомянутые выше светские вассалы ордена Девы Марии – потомки переселившихся в Пруссию европейских рыцарей и прусской родоплеменной знати, – хотя и получали от ордена «мариан» поместья, находились в глухой оппозиции, поскольку «братья» не допускали их к участию в управлении Пруссией.

В Кульмской земле эти «земские рыцари» («ландриттеры, *Landritter*», или «ландесриттеры», *Landesritter*), мечтавшие получить такие же вольности, как польская шляхта, основали тайный «Союз (Общество) ящериц» (нем.: «Эйдексенбунд», *Eidechsenbund*), как орудие претворения в жизнь своих заговорщицких планов.

Именно в царившей в орденской Пруссии внутренней нестабильности следует искать ответ на вопрос, почему после разгрома армии Тевтонского ордена и его союзников при Танненберге польско-литовским войском вся Пруссия почти без сопротивления покорилась победителям.

Проживание иудеев в орденских владениях было запрещено. Вероятно, гохмейстеры руководствовались теми же соображениями, что и российская императрица Елизавета Петровна, не желавшая «иметь от врагов Христовых интересной прибыли». Возможно, Верховным магистрам «мариан» пришлось об этом горько пожалеть, когда в XV в. на вверенный их попечению орден обрушился комбинированный удар врагов внешних и внутренних, «тевтоны» оказались в ситуации острого финансового кризиса, а денег было взять неоткуда. Но не будем торопить ход нашего повествования...

Не лучшим образом складывалась для ордена «мариан» и внешнеполитическая обстановка. В 1386 г. Великий князь Литовский Ягайло (Ягайла, Йогайла, по-польски: Ягелло) женился на наследнице польского королевского престола Ядвиге (Гедвиге), «отбив» ее, при поддержке польских магнатов, у жениха – маркграфа Бранденбургского Сигизмунда фон Люксембурга, будущего короля Венгрии и римско-германского императора (затаившего с тех пор лютую злобу на Ягайло).

Брачный союз князя Литвы и польской королевны представлял собой смертельную угрозу для Тевтонского ордена. Благодаря браку Ягайло и Ядвиги фактически сложился военно-политический союз Польши и Литвы (окрещенной в одночасье по приказу Ягайло, как уже упоминалось выше). Формально факт крещения Литвы лишал легитимации существование Тевтонского ордена, учрежденного с целью борьбы за обращение язычников в веру Христову. Отказ ордена «мариан» признать Литву, еще вчера откровенно языческую, истинно христианским государством, поскольку подлинного обращения литовцев в христианство не произошло, хотя и был, вероятно, не вполне необоснованным, не нашел поддержки у папы римского (откровенно радовавшегося распространению зоны влияния Римско-католической церкви на огромную территорию Литвы) и не смог воспрепятствовать сокращению числа «военных гостей» – упоминавшихся выше «крестоносцев-интернационалистов»,

прибывавших в Пруссию (и – в меньшем числе – в орденскую Ливонию) для поддержки вооруженной борьбы «тевтонов» с литовцами.

Орден Девы Марии пытался играть на противоречиях между Ягайло, именовавшим себя после принятия крещения по римско-католическому обряду (хотя при рождении он был окрещен по православному обряду и наречен Яковом, а с течением времени впал в язычество) королем польским Владиславом II (1386–1434) Ягелло, и его двоюродным братом Витовтом, или, по-польски, Витольдом (1392–1430), принявшим после крещения (по римско-католическому обряду) имя Александр. Двуличный Витовт, предатель и перебежчик по натуре, неоднократно переходил с одной стороны на другую. В 1382–1384 гг. он сражался на стороне Тевтонского ордена против Ягайло, в 1384–1389 гг. – на стороне Ягайло против ордена, в 1389–1391 гг. – на стороне ордена против Ягайло, в 1392–1398 гг. – на стороне Ягайло против ордена, в 1398–1401 гг. – на стороне ордена против Ягайло, и лишь в 1401 г. окончательно перешел на сторону Ягайло.

Тевтонский орден (вопреки традиционно возводимой на него напраслине) всегда строго соблюдал условия договоров и соглашений. А вот король польский и Витовт (которому Ягайло уступил титул и власть Великого князя Литовского – правда, лишь пожизненно) действовали лицемерными и коварными методами, несовместимыми с рыцарственным поведением и рыцарским кодексом чести «братьев» Тевтонского ордена.

Согласно заключенному с «тевтонами» Салинскому (Саллинвердерскому) миру (1398) Великий князь Литовский Александр-Витовт навечно уступил Тевтонскому ордену языческую область Жемайте (Жемайтию, по-латыни: Самогитию или Самагиттию, по-польски: Жмудь) с целью ее христианизации (чему жмудины-жемайты, упрямо косневшие в язычестве, упорно сопротивлялись). В обмен на эту территориальную уступку Витовт получил от ордена военную помощь, необходимую ему для экспансии в восточном направлении и, в частности, борьбы с Золотой Ордой.

Уступка Жемайте, казалось, означала осуществление давней мечты «тевтонов» о получении «коридора», соединяющего орденские владения в Пруссии и Ливонии. Самогития была включена в состав орденских владений на правах фогтства под управлением фогта (наместника) Генриха фон Швельборна. Однако, как уже упоминалось выше, в 1399 г. литовское войско Витовта (в составе которого сражался и воинский контингент Тевтонского ордена – 100 «орденских братьев», т. е. рыцарей и сариантов, со вспомогательными частями) было наголову разбито татарами хана Темир-Кутлуга (вассала Тамерлана) и его полководца Едигея на реке Ворскле. Путь Витовту на Восток оказался закрытым. И Великий князь Литовский вновь обратил свой взор на Запад, что привело его к очередному конфликту с Тевтонским орденом. В 1401 г. Витовт инспирировал восстание жемайтов против власти ордена Девы Марии, оказав повстанцам вооруженную помощь. Военные действия велись с переменным успехом. Наконец Витовт в 1401 г. заключил с Тевтонским орденом Ковенский договор, по которому подтвердил права «тевтонов» на Жемайте. Новым орденским фогтом Самогитии был назначен Генрих Кюхмейстер фон Штернберг.

Заручившись, в очередной раз, военной поддержкой Тевтонского ордена, Витовт снова обратил свои взоры на Восток, задумав нанести удар по собственному зятю, Великому князю Московскому Василию. Однако история повторилась. Военные походы Витовта в 1406 и 1408 гг. на Москву не увенчались успехом. Решающее значение для Великого князя Литовского приобрело восстановление его власти над Жемайте. Любопытным в данной связи представляется упоминавшийся выше факт многократной перемены веры Витовтом, то принимавшим крещение, то вновь впадавшим в язычество. Однако все это в конечном счете не имело значения в глазах папы римского, однозначно признавшего Литву обращенной в христианство и запретившего Тевтонскому ордену в 1404 г. организовывать дальнейшие Крестовые походы на литовцев.

К началу XV в. политическая конфронтация между Тевтонским орденом и польско-литовской коалицией стала неизбежной. Орден «мариан» оказался перед лицом врага, власть которого распространялась на собственно Литву, ряд присоединенных к Литве западных польских княжеств и на Польшу. Эту коалицию, территория которой окружала орденские владения с трех сторон, возглавлял беззащитный, расчетливый и преисполненный ненависти к Тевтонскому ордену польский король. Ягайло получил от польских магнатов («мужиковладельцев») мандат положить конец властным притязаниям Тевтонского ордена.

Постоянные трения возникали по вопросам прав владения Померелией (именуемой в одних источниках Восточной Померанией, а в других – Западной Пруссией), приобретения орденом «мариан» в 1402 г. области Неймарк (Новая Марка), а также по поводу областей Дризен (Дрезденко) и Добрин (Добжинь). Упоминаемые обычно в данной связи «безудержные экспансионистские устремления» Тевтонского ордена, якобы являвшиеся причиной предстоявшей Великой войны польско-литовской коалиции с «тевтонами», при ближайшем рассмотрении оказываются очередным мифом, поскольку покупка орденом «мариан» Новой Марки была осуществлена лишь после заявления прежнего владельца этой области, немецкого маркграфа Бранденбургского, согласно которому маркграф, в случае отказа «тевтонов» купить у него Новую Марку, продаст ее Польше. А покупка Новой Марки Польшей означала бы, что кольцо окружения вокруг орденских земель замкнулось бы окончательно, отрезав владения «тевтонов» от Германии, являвшейся жизненно необходимой для ордена «мариан» базой снабжения. В Жемайте шла непрерывная «малая (или, выражаясь современным языком, партизанская) война». Орден Девы Марии нисколько не заблуждался насчет активной помощи, оказываемой жмудским повстанцам Великим князем Литовским, в свою очередь, поддерживаемым польским королем. Все попытки «тевтонов» вбить военно-политический клин между Литвой и Польшей (или натравить их друг на друга) оказались в конечном итоге безуспешными. Тем не менее государство Тевтонского ордена, территория которого (общей площадью более 170 000 кв. км) простиралась от реки Одера (Одры) на западе до Финского залива на востоке, с 59 замками и 48 городами, достигшее пика своего размера и могущества, оставалось «крепким орешком» для всех, желавших попробовать его «на зубок».

30 марта 1407 г. приложился к роду отцов своих Верховный магистр «тевтонов» Конрад фон Юнгинген. К числу его несомненных заслуг относилось не только повышение благосостояния вверенных ему Богом земель, но и осуществление искусной политики, в ходе которой он умело защищал интересы ордена (преимущественно дипломатическими средствами). Невзирая на требования многих «орденских братьев» начать превентивную войну против литовско-польской коалиции, не дожидаясь, пока она станет слишком сильной, мудрый гохмейстер предпочитал «худой мир доброй ссоре». В таких случаях старый магистр, поседелый под шлемом и израненный в бесчисленных боях, говаривал: «Войну легко начать, но трудно закончить» (нем.: «Krieg ist bald angefangen, aber schwer beendet»). Перед своей кончиной он призвал «братьев» ни в коем случае не избирать новым Верховным магистром своего родного брата Ульриха. Тем не менее 26 июля 1407 г. Генеральный капитул – в первый и единственный раз за всю историю ордена Девы Марии – единогласно избрал, после смерти прежнего Верховного магистра, его родного брата.

Новый гохмейстер «тевтонов» Ульрих фон Юнгинген, рожденный в 1360 г., подобно своему умершему брату и предшественнику, был отпрыском знатного швабского рода, владения которого располагались в районе Боденского озера. В 1387–1392 гг. Ульрих был «кумпаном» или, в другом написании, «компаном» («компаньоном», то есть, буквально, «оруженосцем», в действительности же – адъютантом или помощником) тогдашнего Верховного (Великого) маршала «тевтонов» Конрада фон Валленроде (Валленрода), неоднократно принимая в этом качестве участие в походах на Литву. Дальнейшая карьера Ульриха выглядела следующим образом. В 1393–1396 гг. он был фогтом Замланда (Самбии), в 1396–1404 гг. –

комтуром Бальги, а в 1404 году был назначен Верховным маршалом, командующим всеми войсками Тевтонского ордена (подчиненным лишь Верховному магистру). В этой должности Ульрих в 1404 г. участвовал в военно-морской экспедиции «тевтонов» на остров Готланд, в ходе которой «тевтонским» десантом были разгромлены разбойничьи гнезда морских разбойников-«витаальеров» и взят их главный оплот – город Висби.

Ульриху фон Юнгингену явно не хватало хладнокровия и выдержки, свойственных его покойному старшему брату. Явная склонность Ульриха решать спорные вопросы преимущественно военными средствами, судя по всему, отвечала настроениям, господствовавшим к описываемому времени среди «орденских братьев», и, вероятно, явилась главной причиной его единогласного избрания гохмейстером. Высшее руководство ордена Девы Марии не сомневалось в неизбежности вооруженного конфликта с польско-литовской коалицией, и потому ему представлялось в высшей степени логичным избрать Верховным магистром именно воинственного Ульриха. Отвага и деятельная натура нового гохмейстера заставляла Капитул надеяться на победу ордена, под его предводительством, в грядущем вооруженном конфликте. Сразу же после своего избрания Верховный магистр назначил комтура Меве (по-польски: Гнева) Фридриха фон Валленроде (Вальроде или Валленрода) новым Верховным маршалом. Вскоре произошли новые назначения и в других сферах орденского руководства. Несмотря на свою воинственность, Верховный магистр попытался избежать конфронтации с польско-литовской коалицией дипломатическими средствами. 6 января 1408 г. Ульрих фон Юнгинген лично встретился с польским королем Владиславом II Ягелло в тогдашней столице Польши – Кракове. Однако краковская «встреча на высшем уровне» оказалась безрезультатной. Ни по одному из спорных вопросов консенсуса достичь не удалось. Обе стороны начали активно вооружаться, стремясь как лучше подготовиться к теперь уже неизбежной войне.

С начала 1409 г. эскалация военных действий в Самогитии стала нарастать. Все больше литовских военных отрядов спешило на помощь повстанцам-жмудинам. Тевтонский орден направил ко двору Витовта посольство, потребовавшее от князя четкого заявления, как восстановить в Самогитии спокойствие и порядок. Витовт не удостоил «братьев» ордена ответа.

Тем не менее Ульрих фон Юнгинген решил предпринять последнюю попытку к примирению.

Накануне большого христианского праздника – дня святого Иоанна Крестителя (Иванова дня) – к королю Владиславу II Ягелло в великопольский город Оборники явились, в качестве послов Верховного магистра, комтуры Торна (по-польски: Торуня) и Старгарда (по-польски: Старограда). Послы пожаловались на то, что Витовт отнял у «тевтонов» Самогитию, хотя ранее открытой грамотой записал ее в вечный дар ордену Девы Марии и отказался от всякого рода прав и притязаний на нее, а орденских наместников перебил или пленил. Ввиду безуспешности неоднократных попыток путем переговоров побудить Витовта вернуть «тевтонам» захваченные у них земли и пленников, орден Девы Марии вознамерился добиться восстановления своих поправленных прав силой оружия, о чем и известил короля Польши. Изложив все это, послы попросили польского короля объявить, намерен ли он помогать Витовту или же способствовать восстановлению поправленной справедливости.

Владислав Ягелло дал уклончивый ответ, что соберет общий сейм (съезд) вельмож своего королевства и, посоветовавшись с ним, даст магистру и ордену Девы Марии ответ через послов. Недовольные этим ответом, «тевтонские» послы заявили, что их Верховный магистр и орден готовы свято соблюдать договор о вечном мире с Польшей, заключенный между королем польским Казимиром и магистром Тевтонского ордена, но, поскольку король польский Владислав не желает покинуть Витовта и намерен помогать ему в несправедливом деле, «то пусть рыцари и вельможи королевства Польского не гневаются на магистра

и орден, если, оскорбленный глубокой несправедливостью, он начнет войну против Польского королевства».

Информаторы при дворе Витовта сообщили Ульриху фон Юнгингену, что Великий князь Литовский похвалялся, «как только созреет хлеб на полях, пойти во главе жемайтов на Кёнигсберг», изгнать «проклятых крыжаков» (крестоносцев) «отовсюду огнем и мечом» и неустанно преследовать их, «пока они не добегут до моря и сами в нем не утопятся». Получив эту информацию, гохмейстер направил польскому королю послание с просьбой дать разъяснение сложившейся ситуации. По прошествии долгого времени польский архиепископ Гнезненский Миколай (Николай) Куровский привез магистру письменный ответ следующего содержания:

«Наш король и Великий князь Литовский – кровные родичи. Последний получил свою землю в дар от польской короны, поэтому наш король его не оставит, и окажет ему поддержку всеми своими силами, не только в этой войне, но и в любой другой беде».

Согласно польскому хронисту Яну Длугошу (1415–1480), автору латинской «Истории Польши» (*Historia Polonica*), послы короля Владислава Ягелло, явившись в Мариенбург к Верховному магистру, дали ему на словах более развернутый ответ:

«Король польский Владислав полагает, что тебе и ордену твоему небезызвестно, что Александр-Витовт, великий князь литовский, на которого ты принес жалобу по поводу отобрания Самагитской земли и прочих обид, хотя и знатнейший государь и связан с королем почти братскими кровными узами, однако является подданным Польского королевства и короля, и землю Литовскую и княжество получил только в силу королевского пожалования и лишь пожизненно. Поэтому не подобает королю и в настоящей войне, которую вы будете вести против князя Александра и земли литовской, и в любой другой беде покидать его, но, напротив, следует помогать ему всеми силами и средствами».

В ответ на угрозу Верховного магистра напасть на Литву архиепископ Гнезненский заявил, что в этом случае польский король нападет на Пруссию. Уяснив из ответа епископа, кто является главным врагом ордена Девы Марии, Ульрих фон Юнгинген в гневе пригрозил «пойти войной на христианскую страну»: «Лучше я нападну на голову, чем на члены, лучше на населенную землю, чем на покинутую, и лучше на города и села, чем на леса, обратив оружие, назначенное против Литвы, на Польское королевство. Ведь больше пользы мне и моему ордену поразить голову, чем ноги, больше пользы пойти на возделанные земли, а не на поля, леса и чащи... Теперь мы видим, что этот ущерб в Жемайтской земле мы терпим из-за короля Польши и его козней, и более не из-за кого».

6 августа 1409 г. Верховный магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген направил к польскому королю посланцев с формальным объявлением «фейды» (нем.: *Fehde* – феодальной войны), по-немецки: «Фейдебриф» (*Fehdebrief*), чтобы военными средствами предотвратить нависшую над вверенными ему Богом орденом и орденским государством смертельную угрозу.

Гохмейстер Ульрих фон Юнгинген незамедлительно приказал укрепить пограничные замки и объявил сбор всех вооруженных сил ордена Девы Марии. Для него не являлось секретом то обстоятельство, что собравшиеся в Литве под знамена Витовта многочисленные силы, в том числе литовские и золотоордынские татары, только и ждали приказа Витовта, чтобы начать вторжение в орденское государство. Поэтому ранней весной 1409 г. орденские курьеры, загоняя коней, разъезжали по владениям «тевтонов», спешно разнося по градам и весям следующую весть:

«Да будет ведомо всему честному люду, что, как нам стало известно, Витольд (Витовт. – *В.А.*) с великим войском намеревается сегодня или завтра вторгнуться в (нашу. – *В.А.*) страну. Поэтому мы настоятельно просим, чтобы каждый пребывал в готовности поспешить туда, куда ему прикажут, когда придет известие (о вторжении неприятеля. – *В.А.*)».

Или, на тогдашнем немецком языке, именуемом филологами «средневерхненемецким»:

(«Wissentlich sei allen ehrbaren Leuten, wie wir Kunde haben, dass Witold mit einem grossen Heere in das Land will sprengen heute oder morgen. Hierum bitten wir fleisslich, dass jeglicher sich halte zuzujagen, wo man ihn befiehlt, wenn die Nachricht erfolgt»).

Это был приказ о мобилизации, адресованный следующим категориям подданных Тевтонского ордена:

1) землевладельцам немецкого и прусского происхождения, обязанным ордену военной службой, в зависимости от размеров своего поместья, в качестве тяжелых или легких кавалеристов;

2) стрелкам-ополченцам (немецкого и прусского происхождения) городов, расположенных во владениях ордена;

3) поселянам немецкого и прусского происхождения, обязанным предоставлять для обоза орденского войска лошадей, телеги и возниц.

Какие же вооруженные силы Верховный магистр «мариан» Ульрих фон Юнгинген оказался в состоянии противопоставить армии польско-литовской коалиции?

7. Об армии Верховного магистра «мариан»

а) Боевое построение

В полевых сражениях армия Тевтонского ордена традиционно строилась в три линии, или эшелона (по-немецки: «треффен», Treffen). Третью линию составлял резерв. Лишь в битве при Танненберге этот традиционный порядок построения был нарушен, и мы далее увидим, почему. Каждый «треффен» состоял из нескольких боевых отрядов (по-немецки: «шлахтгауфенов», Schlachthaufen), представлявших собой тактические подразделения. В свою очередь, каждый «шлахтгауфен» состоял из нескольких «знамен», или «хоругвей» (по-немецки: «баннеров», Banner), а каждое «знамя» – из нескольких отрядов (по-немецки: «труппов», Truppen – просьба не путать с труппами).

Острие передового «шлахтгауфена» тевтонского орденового войска составляли рыцари в тяжелых доспехах, построенные клином (по-старонемецки: «ди шпиц», die Spitz). В зависимости от количества тяжеловооруженных конников, составлявших острие («чело») клина, сам клин мог быть больше или меньше. Были возможны варианты, когда в первом ряду стояло 3 рыцаря, во втором – 5, в третьем – 7, в четвертом – 9 и т. д. Чаще всего «клин» состоял из общей сложности из 50–80 рыцарей, в то время как основную часть «шлахтгауфена» составляло двигавшееся вслед за тяжеловооруженными рыцарями, построенное вытянутым четырехугольником, формирование конных рыцарей в облегченном вооружении и «услугающих братьев» («слуг», «сариантов»), как правило, представлявших, по сравнению с рыцарями, меньшую боевую ценность и обладавших меньшим боевым опытом.

За отрядом этой средней и легкой кавалерии в некоторых случаях выстраивалась орденовая пехота.

Рыцарский «клин» мог состоять либо из одного большого «баннера», либо из нескольких более мелких. Когда нам приходится читать о «клине», состоящем из нескольких «баннеров», то остается не вполне ясным, где в таком случае располагались знамена и предводители этих мелких «баннеров», поскольку знамя первого «баннера» клина считалось знаменем всех «баннеров», входивших в этот клин. Прикрытие знаменосца составляли самые сильные, искусные во владении оружием и опытные рыцари, вооруженные мечами, булавами и шестоперами («штрейткольбенами», Streitkolben). Иногда рыцари этой «знаменной группы» имели по два меча каждый. А вот копий им – повторим это еще раз! – не полагалось (чтобы они, захваченные общим наступательным порывом, не атаковали неприятеля «по-рыцарски», с копьем наперевес, забыв о порученной им охране знамени).

Тактическая цель атаки в клинообразном строю заключалась в прорыве неприятельского строя, чтобы потом повернуть и рассеять и без того распадающееся неприятельское формирование на несколько частей. Вероятно, за рыцарями следовали легковооруженные отряды, занимавшиеся уничтожением противника, утратившего боевой порядок. Клинообразное построение использовалось «тевтонами» задолго до битвы при Танненберге 15 июля 1410 г., в частности, в Прибалтике. В орденовых хрониках (в частности, у Генриха Латвийского), упоминается боевой порядок под названием «шикунге» (Schikunge), хотя ныне точно не известно, как он выглядел.

б) Походное построение

На марше в голове орденового войска следовал конный авангард (нем.: «фортраб», Vortrab, или «реннфане», Rennfahne, что по-русски иногда переводится как «Скаковая хоругвь» или «Гончая хоругвь»), а замыкал колонну арьергард (нем.: «нахгут», Nachhut). Если войско передвигалось по неприятельской территории, оно шло в сомкнутом строю. При снятии с лагеря никто не должен был садиться на коня или надевать вооружение без

приказа. Каждый должен был оставаться в своей группе или «ротте» (Rotte – не путать с «ротой»!), к которой он был приписан (Правила, 46). Без соответствующего приказа не разрешалось снимать доспехи, шлем, щит и оружие.

В пункте XXIII Законов Верховного магистра «тевтонов» брата Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341) сказано, что все братья должны оставаться и передвигаться под знаменем (в составе «знамени». – *В.А.*), за исключением тех случаев, если предводитель их «баннера» или его помощник пошлют их куда-либо с поручением. Пункт 5 закона V Верховного магистра брата Винриха фон Книпроде (1351–1382) говорит: «Брат, кой в походе (нем.: «рейсе», «рейзе» или «райзе», Reise) будет послан к знамени (зачислен в состав «знамени». – *В.А.*), не должен удаляться от оногo без приказа». Слуги («кнехты») должны были в походе ехать вслед за «братьями-рыцарями», каждый за своим господином. Если рыцари соединялись в отдельный отряд (нем.: «шар», Schar), то «кнехты» должны были ехать перед ними или рядом с ними, держа в поводу боевых коней (в походе рыцари ехали не на боевых конях, а на походных лошадях).

В опасных («внушающих страх») местах орденом «братьям» не дозволялось без приказа разнуздывать лошадей. Когда «братья» садились на боевых коней, им не дозволялось поворачивать их без приказа. В пору Средневековья среди рыцарей часто возникали споры и даже конфликты из-за права непременно первым атаковать неприятеля (первым войти в боевое соприкосновение с противником считалось делом чести, ради этого рыцари нередко ломали строй, приводя тем самым свое войско к поражению).

Поэтому Правила Тевтонского ордена строжайшим образом регламентировали все действия каждого члена ордена на марше и в бою, с целью недопущения подобных конфликтов между «братьями-рыцарями» и самовольных действий. Если бы «братья» самовольно, «ища себе чести и славы» (как говорится о дружинниках-курянях в «Слове о полку Игореве»), вырывались вперед, это могло бы привести к катастрофическим последствиям для орденового войска. Поэтому за подобные проступки предусматривалась суровая кара. Никому из братьев не дозволялось атаковать без приказа или до того, как переходил в атаку предводитель «баннера» (нем.: «баннерфюрер», Bannerfuehrer). Братья, которым было поручено прикрывать знамя, обязаны были находиться в его непосредственной близости. Потеря знамени (или самовольная подача им каких-либо сигналов) каралась смертной казнью.

Перед отдачей маршалом или предводителем «баннера» приказа атаковать оруженосцы (нем.: «кнаппен», Knappen) собирались с вьючными лошадьми под знаменем, которое держал один из «братьев-сариантов» (сержантов), и молились за своих ушедших в бой хозяев, не принимая сами участия в сражении. Сами оруженосцы (возившие за «братьями-рыцарями», которым они служили, их щиты и копья) имели на вооружение только кинжалы для самообороны и в бою обычно участия не принимали (за исключением критических ситуаций).

В сомкнутом строю орденовые бойцы оставались только до момента вхождения в боевое соприкосновение с противником. С началом схватки строй распадался на множество отдельных поединков. Тяжеловооруженные рыцари не могли атаковать с копьями наперевес в сомкнутом строю без интервалов, не имея свободы маневра и свободного пространства для разгона, необходимого для нанесения таранного удара (поэтому представления о том, что «тевтонская» железная «свинья» сомкнутым клином, как раскаленный утюг в сугроб, входила в плотный неприятельский строй, пробивая его насквозь, несомненно, нуждаются в серьезной корректировке). «Божьи рыцари» шли в атаку коротким или медленным галопом, почти что рысью. Обычно бой начинали конные арбалетчики, стоявшие на флангах и перед готовым к бою конным формированием ордена. Отстрелявшись, арбалетчики отступали в тыл конному формированию.

Тактическое боевое построение в соответствии с Уставом ордена тамплиеров, применявшееся войском Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в ранний период его существования, отличалось от описанного выше «классического». В Святой земле вооруженные «кнехты», державшие копья рыцарей, стояли перед группой рыцарей, каждый перед своим господином. Невооруженные оруженосцы («кнаппен») с походными лошадьми находились в последней линии. Как правило, тяжеловооруженные рыцари образовывали первую линию, а «братья-сарианты», имевшие среднее вооружение, – вторую. Легкая конница («туркопулы» или «туркополы», нем.: *Turkopolier*), набравшиеся из палестинских, сирийских и армянских христиан (а впоследствии – из осевших в Святой земле потомков крестоносцев-«франков», пулланов и даже из местных мусульман), стояла на флангах.

В Пруссии и Ливонии ситуация изменилась. Разделение орденского войска на отдельные отряды (крестоносцев из всех градов и весей Европы, ополчений орденских комтурий, ополчений подчиненных ордену епископств и городов), выступавших каждый под собственным «баннером», делало фронт орденского войска более широким, за счет меньшей глубины построения.

Тактическое построение (в частности, в битве при Танненберге 15 июля 1410 г.) орденского войска состояло из большого числа конных арбалетчиков (спешивавшихся в бою) и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (строившихся «клином»).

Пешие воины использовались главным образом в орденском флоте «мариан», при обороне замков, крепостей и городов, сопровождении транспортных колонн и при охране обоза, оставленного конным войском, ушедшим жечь и грабить достояние прусских (или литовских) язычников.

в) «Копье», или «глефа»

Самое мелкое подразделение тяжелой орденской конницы именовалось «копьем» (по-немецки: «глеве», «глефе», «глефа», «ланце» или «шпис»). «Глефа» (само это слово означает копьевидное оружие с длинным древком и плоским, клинообразным наконечником вроде русской «совни») была не тактическим, а чисто организационным подразделением. В отличие от «копий» обычных, «мирских» («светских») рыцарских войск Западной Европы (за исключением армий королевств Иберийского полуострова, кроме Наварры, в которых «копьем» именовался одиночный тяжело или легко вооруженный конный воин), насчитывавших порой до нескольких десятков человек (в зависимости от богатства возглавлявшего «копье» рыцаря-феодала), тевтонская «глефа» состояла не из четырех (как часто ошибочно пишут и думают), а из трех человек – тяжеловооруженного конника, его оруженосца («кнаппе») и конного арбалетчика. На этих трех воинов Приснодевы Марии приходилось в общей сложности четыре лошади. Каждый из трех конников «глефы» имел свою собственную походную лошадь, а тяжеловооруженный конник – еще и тяжелого боевого коня, которого в походе вел в поводу его оруженосец.

Тяжеловооруженный конный латник именовался «шписфюрером» (нем.: *Spiessfuehrer*) или «глефнером» (нем.: *Glefner, Glevner*). На марше доспехи рыцаря были навьючены на его боевого коня, в то время как оруженосец вез щит и копье «глефнера». Лишь в непосредственной близости от неприятеля «глефнер» в подходящем месте облачался в доспехи. Всякий рыцарь, желавший иметь собственного оруженосца, должен был при вступлении в Тевтонский орден внести в качестве «вклада» не менее четырех лошадей (во всяком случае, в германских владениях Тевтонского ордена – «Дейчмейстертуме»). «Человеком чести» (нем.: «эрбар», *Ehrbar*) считался лишь тот, кто, кроме оруженосца (не имевшего собственного вооружения), выставлял хотя бы одного стрелка.

Контракты, заключавшиеся Тевтонским орденом с предводителями наемников (нем.: «зельднеров» – от слова «зольд» = «жалованье», происходящего от названия средневековой

итальянской монеты «сольдо», или от названия позднеримской золотой монеты «солидус», или «солид»), предусматривали, что каждый «шпис» в составе наемного отряда также должен был включать в свой состав трех человек и четыре лошади (например: «Сорок хорошо вооруженных рыцарей и оруженосцев и сорок стрелков» или: «Сто глеф добрых рыцарей и кнехтов в полном вооружении... и к ним сто стрелков. Эти сто глеф должны иметь четыреста лошадей»).

Во время похода орденского войска Тевтонского ордена на остров Готланд, с целью очистить его от шаек морских разбойников-«вительеров» (1404), каждый вооруженный арбалетом «брат-рыцарь» получал, в качестве конюха, собственного «кнехта», а все прочие арбалетчики – лишь одного «кнехта-конюха» на двоих.

г) Горны, трубы и герольды

Кроме сигналов, подаваемых знаменами-«баннерами», в орденском войске «тевтонов» подавались также звуковые сигналы. Хронисты ордена Девы Марии упоминают подачу сигналов трубными (роговыми) звуками, например, к снятию лагеря, к выступлению в поход и т. д. По состоянию на 1422 г. в инвентарной описи Малой оружейной палаты Кёнигсбергской комтурии Тевтонского ордена числился один боевой (или войсковой) горн, или рог (нем.: «геергорне», Heerhorne). Фанфары в описываемое время не упоминаются. В орденском войске имелись и «глашатаи» (или, по-русски: «бирючи»). В Правилах (54) о должности «глашатая» («аусруфера») сказано, что в военном стане он должен располагаться рядом с маршалом ордена и выкрикивать («оглашать») приказы последнего, обязательные для всех. В Правилах также неоднократно упоминаются «возгласы» глашатаев, поднимающих орденское войско «тевтонов» по тревоге при приближении неприятеля.

В орденских расходных книгах нередко встречаются записи вроде:

«Итого за 12 марок куплено 3 “швейка” («швейками» назывались лошади низкорослой прусской породы. – *В.А.*) для 3 трубачей, сопровождавших нашего Верховного магистра в рейсе» (нем.: Item XII m. vor III sweyken den III pfyfern gekouft dy mit unserm homeyster in dy reise zoegen).

Музыканты играли особенно важную роль в поддержании боевого духа воинов ордена на марше и в лагере. Каждому орденскому воинскому контингенту было придано определенное число музыкантов. Трубачи (нем.: reier, ruper, rurer, ririg, rpyfer, spillute) сопровождали также отряды военного ополчения подчиненных ордену городов (судя, например, по «Военной книге» города Эльбинга за 1383–1409 гг.).

Контингенты съезжавшихся на помощь ордену Девы Марии европейских крестоносцев также имели в своем составе трубачей, а в некоторых случаях – также литаврщиков. Трубач приехавшего в Пруссию для участия в Крестовом походе француза Жана де Блуа был даже облачен своим богатым сеньором в рыцарские латы. Необходимо заметить, что нам точно не известно, на каких именно инструментах играли упоминающиеся в орденских хрониках «трубачи».

Под «трубачами» («пейперами», «пипирами», «пфифирами», «пфейферами», «шпиллейтаи») могли подразумеваться не только горнисты, но даже флейтисты или волынщики. В тевтонских «рейсах» знатные европейские крестоносцы участвовали в сопровождении своих герольдов и декламаторов (в качестве важных свидетелей, всегда готовых подтвердить и воспеть подвиги своих сеньоров). По некоторым данным, при дворе гохмейстера Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в городах Мариенбурге-на-Ногате и Кёнигсберге имелся особый орденский герольд. Точных доказательств на этот счет не существует. Однако совершенно точно доказано существование, по крайней мере, в 1388 г., герольда Верховного магистра «мариан». Звали этого герольда Варфоломей (Бартоломеус) Лютенберг.

д) Хоругви и знамена

На Главной хоругви Тевтонского ордена Приснодевы Марии были изображены Пресвятая Богородица с Богомладенцем Иисусом на руках, а справа от Богородицы – герб ордена: прямой черный крест на белом (серебряном) поле. Вероятно, данное изображение украшало аверс главной орденской хоругви «тевтонов», в то время как на ее реверсе был изображен святой мученик Маврикий (так, во всяком случае, обстояло дело с главной хоругвью ливонского филиала Тевтонского ордена – прямого наследника прибалтийского ордена воинства Христова, или меченосцев, известного также как орден Меча). Наличие у рыцарей-«мариан» этой Главной хоругви с образом Богородицы, Небесной Покровительницы и Заступницы ордена, не подлежит никакому сомнению, будучи засвидетельствовано многочисленными хрониками и другими документами, однако о ее наличии в рядах тевтонского войска Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена в день битвы с польско-литовским войском под Танненбергом 15 июля 1410 г., не сообщает ни один хронист. Возможно, кому-то из тевтонских рыцарей удалось спасти главное знамя своего ордена, вследствие чего оно не попало в руки победителей и, соответственно, в известный список хоругвей и знамен Тевтонского ордена (лат.: «Бандерия Прутенорум», *Banderia Prutenorum*, то есть «Прусские знамена»), составленный польским хронистом каноником Яном Длугошем.

Другое боевое орденское знамя, так называемая Большая (Великая) хоругвь Тевтонского ордена, было первоначально совершенно белым, безо всяких изображений. Позднее Большая хоругвь представляла собой белое полотнище с прямым черным крестом и тремя косицами (что соответствовало рангу Верховного магистра). «Земский магистр» – ландмейстер имел хоругвь с двумя косицами. Каждый отряд («хоругвь», «фане», «баннер») орденского войска имел собственное знамя (также именовавшееся хоругвью или баннером) с различными геральдическими изображениями.

На знаменосцев возлагалась весьма почетная, но вместе с тем и весьма опасная миссия – возить знамя, беречь его как зеницу ока и в то же время не забывая своевременно подавать знаменем необходимые сигналы своим войскам (в лязге и грохоте тогдашних рукопашных схваток команды, да и трубные сигналы очень быстро становились неразличимыми, так что вся надежда была на знамя). Знамя было лучшим средством оповещения и ориентиром. К нему стягивались (от этого, кстати, происходит и одно из русских названий знамени – «стяг») войска для перестройки и новой атаки. Знаменем подавались сигналы в бою.

Внезапное исчезновение знамени-хоругви во время боя – это случилось, к примеру, с главным знаменем польского войска при Танненберге – Большой (Великой) Краковской хоругвью – могло вызвать панику, его утрата символизировала поражение и считалась огромным позором. Неправильно поданный знаменем сигнал мог привести собственные войска в замешательство (что произошло в ходе битвы при Танненберге, когда изменивший «тевтонам» кульмский рыцарь – вассал ордена Девы Марии – Никкель, Нильце или Нитце фон Ренис – подал своим знаменем ложный сигнал к отступлению и способствовал поражению «тевтонов»). За подобные действия орденский Устав предусматривал смертную казнь для нерадивого (или вероломного) знаменосца. Обезглавлен был и Никкель фон Ренис (правда, не сразу).

Хотя к знамени-хоругви приставляли надежную охрану, служить знаменосцем (хоругвеносцем) было небезопасно. Знаменосец постоянно являлся первоочередным объектом вражеских нападений и потому всегда носил особо прочное защитное вооружение. Нередко роль знаменосцев выполняли орденские комтуры. Полотнище знамени должно было иметь довольно большие размеры, чтобы хорошо различаться издали, но не слишком большие, чтобы не обматываться вокруг головы знаменосца или головы его коня (что могло иметь фатальные последствия).

Древко знамени (у Большой хоругви гохмейстера оно было покрыто позолоченной медью) обычно заканчивалось острием, как у копья. Как уже говорилось, в бою знамя тщательно охранялось. Устав Тевтонского ордена требовал назначать в эскорт знамени только самых опытных, отборных «братьев-рыцарей», вооруженных мечами (иногда даже парой мечей каждый), булавами, шестоперами, чеканами и боевыми топорами, готовых и способных отбить любое вражеское нападение. Им было строжайше запрещено отлучаться в ходе боя от знамени и оставлять его без защиты. Рыцарям «знаменной группы» не выдавались копья, поскольку для нанесения «таранного» удара копьем необходимо было разогнаться, а следовательно – покинуть знамя, оставив его без присмотра. В качестве дополнительной меры предосторожности, для предотвращения паники в случае потери знамени, комтур обычно имел запасное знамя, обернутое вокруг копья. Но Большая (Великая) хоругвь ордена Святой Девы Марии, а также Большая (Великая) и Малая хоругви Верховного магистра существовали только в одномединственном экземпляре.

8. О тевтонском оружии ближнего боя

В статье 2 раздела IV «Законов» Верховного магистра Тевтонского ордена брата Винриха фон Книпроде (1351–1382) было сказано: «Братьям надлежит всегда носить с собой меч».

Меч

Главным оружием всякого «брата-рыцаря» («белого плаща») и всякого «брата-саринта» («серого плаща») Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии являлся меч (нем.: «шверт», Schwert). Всякий «брат» ордена должен был по возможности оставаться препоясанным мечом (даже в мирное время и даже если он не носил на себе иного вооружения, доспехов и шлема) – например, во время конных прогулок. В то же время все посетители «орденского дома», не принадлежавшие к Тевтонскому ордену, должны были, прежде чем войти в дом, снимать свои мечи (как и при проезде через ворота городов, расположенных во владениях Тевтонского ордена).

Мечи не перечисляются в инвентарных описях орденских арсеналов именно потому, что как бы являлись неотъемлемым элементом облачения каждого члена ордена, который он постоянно имел при себе. Какого-то общего, или единообразного типа меча члена Тевтонского ордена исторически не существовало.

Обычно рыцари, принимаемые в Тевтонский орден (да и в другие военно-монашеские ордены – например, в орден Храма или Святого Иоанна), вступали в него вместе со своими мечами, поэтому различные варианты мечей, распространенных в тогдашней Германии (а если быть точнее – в тогдашней Священной Римской империи, включавшей в себя, как мы знаем, наряду с Германией, также нынешние Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Австрию, Швейцарию, Богемию-Чехию и т. д.), были представлены и в войске Тевтонского ордена. Во всяком случае, светские рыцари – вассалы ордена Приснодевы Марии (служившие ему и участвовавшие в орденских походах-«рейсах» за предоставленный земельный надел), судя по многочисленным находкам, широко употребляли мечи, выкованные в орденских оружейных мастерских или в собственных кузницах по достаточно устаревшим образцам (так, один из найденных на поле битвы под Танненбергом подобных мечей, датированный примерно 1395 г., повторяет по форме меч образца 1300 г.).

С течением времени длина орденских мечей постепенно увеличивалась. Если клинок меча, датированного концом XII в., чаще всего достигал в длину 80 см, то клинок меча второй половины XIV в. – уже 1 м.

Мечи ковались из стали и железа и полировались до зеркального блеска. Они имели обоюдоострый клинок. По Уставу Тевтонского ордена мечи, как и другие виды оружия, было запрещено чем-либо украшать. Правда, в реальности совсем без украшений дело все-таки не обходилось, но украшались обычно только навершия рукояток мечей, имевшие различную, не регламентированную, форму. Навершия украшались маленькими изображениями орденского креста, порой фигурками или даже фамильным гербом владельца (изображать который на щите, одежде, шлеме или конской попоне членам Тевтонского ордена в «классическую эпоху» его существования было строжайше запрещено). В очень редких случаях эфес или крестовина меча покрывались бронзой, еще реже верхняя часть клинка украшалась девизом или каким-либо узором. И буквально в считанных случаях клинок орденского меча частично воронился, украшался латунной проволокой, словами молитв или благочестивыми изречениями.

Тяжелый эфес меча служил противовесом клинку, уравнивая меч в руке бойца. С целью облегчения веса меча (а отнюдь не для того, чтобы с него «легче стекала кровь»), как

иногда пишут и думают!) клинок имел долы. Меч с долами на клинке весил в среднем около 3 кг. Большинство мечей (не «принятых» в орден вместе со своими владельцами) ведомство маршала рыцарей Девы Марии Тевтонской получало от местных городских оружейников или же из лучших оружейных мастерских городов, расположенных в других государствах Европы (например, из Вены). Меч вкладывался в кожаные ножны, усиленные внутри деревянными вкладками.

О мечах «братьев-рыцарей» основанного князем Конрадом Мазовецким польско-немецкого Добринского (Добжиньского) военно-монашеского ордена, действовавшего против прусских язычников до прихода в Пруссию «тевтонов», сообщается, что их ножны были якобы красного цвета. О ножнах мечей тевтонских рыцарей подобных сведений у нас не имеется.

В очень редких случаях на поясах, на которых рыцари Тевтонского ордена носили мечи, встречались декоративные металлические бляхи или иные украшения, хотя это было строго запрещено статьей XIX «Закона» Верховного магистра Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341), недвусмысленно гласившей:

«Такожде и поясам для ношения мечей надлежит быть скромными ремнями безо всяких блях» (нем.: «ouch suln sin die swertfessele slecht gryme ane spangen»).

Со второй половины XIV в., судя по сохранившимся надгробиям, вошли в употребление предохранительные цепочки, один конец которых прикреплялся к рукояткам мечей и кинжалов (а также к шлемам), другой же – сначала к поясу, а позднее – к латам на груди (служившие своеобразной страховкой от потери меча, кинжала или шлема в рукопашной схватке).

Дюзак (дуссака)

«Дюзак» («дюзакой», или «дуссакой» – искаженное славянское слово «тесак») назывался слегка изогнутый, дешевый в изготовлении меч (сабля) с одним лезвием (то есть заточенный только с одной стороны) и металлической дугообразной гардой, защищавшей пальцы державшей его руки, состоявший на вооружении «неблагородных» воинов Тевтонского ордена в период с XIII по XV в. Этим «тесаком» (изогнутый клинок которого достигал в длину в среднем 70 см) пользовались также члены бюргерских ополчений подчиненных Тевтонскому ордену городов или отрядов немецких, польских и прусских крестьян, выступавших в поход по призыву Верховного магистра под началом своего господина – светского или духовного вассала Тевтонского ордена. «Дюзаки» (именовавшиеся в романских странах «фальшионами») были также излюбленным оружием богемских (чешских) наемников ордена Пресвятой Девы Марии и матросов орденского флота.

Кинжал (нем.: «туллих», «дуллих», «дольх», Tullich, Dullich, Dolch), или «милость Божья» (нем.: «гнадготт», Gnadgott, лат.: «мизерикордия», misericordia).

«Братья-рыцари» и «братья-сарианты» Тевтонского ордена носили справа на поясе кинжалы. Эти «кинжалы милосердия» были предназначены, прежде всего, для закалывания поверженного противника сквозь щели в доспехах (в подобных случаях, вероятно, предполагалось, что всякий благочестивый «брат» ордена Пресвятой Девы Марии, прежде чем покончить с лежащим на земле неприятелем – во всяком случае, католиком-поляком или еще каким-либо «братом во Христе», скажет или шепнет ему на ухо: «Да пребудет с тобой милость Божья!», или, по-немецки: «Гнад дир Готт!», Gnad dir Gott!).

Впрочем, поляки, в свою очередь, в долгу не оставались. Вспомним хотя бы знаменитую сцену завершения Грюнвальдской битвы в романе лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича «Крестоносцы» («Крыжаки»): «Мацько дважды вонзил мизерикордию в

горло врагу. Куно страшно захрипел, выкатил глаза, изо рта у него хлынула кровавая пена и т. д. (цитирую по памяти. – В.А.)».

Впрочем, кто его знает... Хотя откуда-то ведь должно было взяться такое название!

В качестве средства самообороны кинжалы состояли и на вооружении оруженосцев (нем.: «кнаппен», Кнаррен) орденских «братьев-рыцарей», возивших за своим господином щит и копье и не имевших собственного вооружения. Да и вообще, никакому воину не возбранялось их иметь.

Кроме кинжала (на случай, если придется «завалить» сарацина, половца, прусса, литвина или поляка) на поясе обычно носили еще и нож (чтобы «колбаски, ветчинки или сальца нарезать», или еще там чего)...

Булава, шестопер, чекан, боевой топор

Наряду с клинковым на вооружении войск Тевтонского ордена состояло и оружие ударное. Булавы, шестоперы (перначи) и чеканы (боевые молоты) были излюбленным оружием конных воинов.

Военные предводители особенно охотно пользовались булавами, или шестоперами (напоминавшими по форме скипетр), служившими им не только ударным оружием, но и символом власти. Очень любили пользоваться булавой или шестопером епископы, выступавшие на войну во главе своих воинских контингентов по призыву своего сюзерена – Верховного магистра Тевтонского ордена – ведь им, как князьям церкви и лицам духовного звания, было строжайше запрещено брать в руки меч (ведь в Писании сказано: «Взявший меч от меча и погибнет...»).

Чеканы, или боевые молоты (нем.: «рабеншнабели», Rabenschnabel, т. е. «вороньи клювы») использовались конными воинами для проламывания вражеских шлемов и пластинчатых лат.

Боевые топоры (секиры) входили в комплект вооружения пеших воинов (кнехтов) и экипажей кораблей орденского флота.

Древковое оружие

Древковое оружие различных размеров, снабженное наконечниками различных форм, было главным оружием как пехоты, так и конницы ордена Приснодевы Марии. При раскопках средневекового имения Клеменсбург, принадлежавшего светскому рыцарю-вассалу Тевтонского ордена, были обнаружены металлические наконечники различных видов древкового оружия длиной от 15 до 58 см и разной ширины.

Пики

Пехотные пики (нем.: «шписсы», Spiesse) имели длинные и широкие наконечники в форме клинка или шила (для протыкания неприятельских кольчуг).

Копья

Задняя часть древка рыцарского копья (нем.: «ланце», «штосланце», Lanze, Stosslanze), имевшего (в отличие от пик и копий, состоявших на вооружении орденской пехоты) сравнительно компактный, небольшой и короткий наконечник, достигавшего в длину 5 м и весившего до 6 кг, во время атаки зажималась рыцарем под мышкой правой руки. Для нанесения мощного таранного удара копьем, взятым наперевес, рыцарь вытягивал ноги вперед и плотно упирался нижней частью спины (скажем так) в заднюю луку высокого рыцарского седла.

Древко рыцарского копья чаще всего было абсолютно прямым и имело одинаковый диаметр по всей своей длине.

По Правилу XXII Устава Тевтонского ордена его членам запрещалось пользоваться древковым оружием, раскрашенным в яркие «светские» цвета. Из цветов для окраски древка допускались только «церковные» («монашеские») – черный, серый или коричневый – «в тон» цветам облачений различных «сословий» (классов, чинов или категорий) членов Тевтонского ордена.

Странным образом в Уставе и хрониках Тевтонского ордена совершенно отсутствуют какие бы то ни было упоминания о флажках-«прапорцах» на копьях «братьев» Тевтонского ордена (столь любимых иллюстраторами и кинематографистами).

«Гуфдорны» (нем.: Hufdorne) – рогульки, или, по-русски: «железный чеснок»

Этот вспомогательный вид оружия, широко использовавшийся не только в эпоху Средневековья, представлял собой небольшие по размеру железные конструкции из 4 железных шипов или гвоздей, торчащих остриями в разные стороны и разбрасывавшихся на предполагаемом пути неприятельской конницы. Если «железный чеснок» разбрасывался в больших количествах (как это обычно и бывало), он мог создать серьезные проблемы для продвижения не только конницы, но и пехоты неприятеля.

9. О стрелках Тевтонского ордена

В указе Верховного магистра Тевтонского ордена Конрада фон Юнгингена о направлении в 1404 г. орденского экспедиционного корпуса на остров Готланд с целью очистить его от морских разбойников-«витальеров», в частности, говорилось:

«Всякий свободный и слуга должен иметь доспех, два копья, щит и один седельный топор. Всякий стрелок из арбалета один шог стрел».

Выражение «шог (шок) стрел» означало «60 стрел». Не только в «оружейных палатах» орденских замков «тевтонов», но и в имениях помещиков, обязанных ордену военной службой (как немецких рыцарей-вассалов, так и прусских «витингов») и даже в орденских хозяйствах-«экономиях» хранились изрядные запасы всевозможного оружия, выдававшегося в случае начала (а точнее – возобновления) военных действий против «врагов Креста и Христианской Веры». Имелись в больших количествах и собственные оружейные мастерские.

Ниже мы коснемся несколько подробнее одного из наиболее эффективных видов вооружения воинов Тевтонского ордена – арбалета.

Арбалет (по-латыни: «арбалиста», «аркубалиста» или просто «баллиста», по-немецки: «армбруст», Armbrust, по-русски: «самострел», по-польски: «куша») – короткий мощный лук, снабженный деревянной ложей с желобом для стрел или свинцовых пуль – принадлежал к числу видов метательного оружия, наиболее широко распространенных в армии государства Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии как в Пруссии, так и в Лифляндии (Ливонии). За изготовление, складирование, текущий ремонт арбалетов и их поддержание в надлежащем состоянии отвечали мастера так называемых «оружейных палат» (нем.: «рюсткаммер», Ruestkammer) орденских замков.

Если в период пребывания Тевтонского ордена Приснодевы Марии в Святой земле, где главными противниками рыцарей Креста выступали мусульманские наездники-сарацины, и в Трансильвании-Се(д)миградье, где тевтонским рыцарям пришлось иметь дело с куманской (половецкой, или кипчакской) конницей, от чьих набегов «марианам», приглашенным в Се(д)миградье венгерским королем Андреем II, надлежало охранять границы Венгрии, основную ударную силу ордена составляла тяжело вооруженная рыцарская конница, то в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация в значительной степени изменилась. Такая возможность была, между прочим, предусмотрена статьей XXII «О том, что относится к рыцарству». В указанной статье, в частности, говорилось:

«Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то, в зависимости от разнообразия земель и обычаев... нападения врагов надлежит биться разным оружием и разными способами...»

Местность в Пруссии и Лифляндии, изобиловавшая дремучими лесами, реками и болотами, не слишком подходила для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от Святой земли (и Европы), где рыцари привыкли выступать в своем «классическом амплуа» тяжелой конницы, в Пруссии, Литве и Ливонии тевтонским «братьям-рыцарям» сплошь и рядом приходилось вести бой пешими и биться оружием, не типичным для людей рыцарского звания – и в том числе стрелять из арбалета (хотя в орденском войске имелись и наемные отряды превосходных арбалетчиков и лучников, в том числе генуэзских и английских, состоявшие из людей «неблагородного» происхождения).

Уже в 1336 г. в инвентарных списках орденских арсеналов «тевтонов» встречаются упоминания различных видов арбалетов – «випармбрустов», «винденармбрустов», «зигерейф-армбрустов» и «рукармбрустов». Тетива «випармбруста» натягивалась при помощи деревянного рычага (нем.: «виппе», Wippe), а тетива более мощного «зигерейф-арм-

бруста» (Sigereif-Armbrust) – при помощи специального крюка-«гюртельгакена» (нем.: Guertelhaken, «поясной крюк»), который арбалетчик носил на поясе вместе с обитым мехом колчаном с арбалетными стрелами-«болтами» (нем.: «больцен», Bolzen). Иногда этих «гюртельгакенов» было два. Арбалетчики, наклонившись, зацепляли тетиву поставленных ими боевой частью на землю арбалетов поясными крюками и, выпрямляясь, натягивали тетиву.

Спереди к деревянной ложе арбалета была прикреплена металлическая скоба (так называемое «стремя», по-немецки: «штейгбюгель», Steigbuegel, или «штейгрейфен», Steigreifen). Арбалетчику, вставившему в это «стремя» ногу, было легче натягивать тетиву.

«Рук-армбруст» (нем.: Ruck-Armbrust) и «зигерейф-армбруст» (нем.: Sigereif-Armbrust) именовались также «компаньонскими арбалетами» (нем.: «гезеллен-армбруст», Gesellen-Armbrust) или «стрелковыми арбалетами» (нем.: «шютцен-армбруст», Schuetzen-Armbrust). «Компаньонами» («компанами», Kompane, «кумпанами», Kumpane, или «гезеллен», Gesellen, буквально: «подмастерьями») именовались оруженосцы («кнаппен», Knappen) «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена.

Арбалетные «болты» представляли собой стрелы с железными наконечниками различной формы, насаженными на короткое толстое древко с хвостовым оперением из кожи, гусиных перьев или даже пергаментных страниц использованных не по назначению книг (в то бурное время бывало и такое). Хвостовая часть «болта» была оперена этими стабилизаторами только с трех сторон (четвертая сторона, которая должна была плотно прилегать к поверхности желоба на деревянной ложе арбалета, оставалась неоперенной). Существовали особые, укороченные «болты», именовавшиеся «оводами» или «слепнями» (нем.: «бремзен», Bremsen).

Тетива разработанного позднее тяжелого «винденармбруста» (нем.: Windenarmbrust, «арбалета с воротом»), боевое применение которого (вследствие большой длины и, соответственно, солидного веса этого вида стрелкового оружия) ограничивалось сферой обороны орденских замков и крепостей, натягивалась при помощи специального поворотного механизма – ворота – с ударением на первом слоге (нем.: «винде», Winde), прикрепленного к заднему концу ложи арбалета.

Луки для арбалетов (по крайней мере, в Европе) обычно изготавливались из дерева (обычно из тиса), китового уса или рога. Воины Тевтонского ордена использовали при осадах крепостей и в «рейсах» преимущественно арбалеты с роговыми луками (хотя последние со временем стали во все большей степени вытесняться более мощными стальными). Толстая тетива арбалета изготавливалась из скрученных овечьих кишок (в то время как тетивы обычных луков делались обычно из скрученных конопляных или льняных волокон). Считавшиеся в Западной Европе давно устаревшими варианты арбалетов все еще фигурировали в инвентарных списках орденских arsenалов даже в начале XV в.

Значительная часть орденского войска «тевтонов» состояла из конных арбалетчиков. В больших количествах арбалеты хранились в «оружейных палатах» зависимых от Тевтонского ордена городов и сельских рыцарей (нем.: «ландриттеров», Landritter) – вассалов Тевтонского ордена (служивших ему за земельные пожалования, не вступая в орден и не принося обетов).

Прусские, ливские, леттские, земгальские и куршские язычники первоначально не были знакомы с арбалетом, и при появлении тевтонских рыцарей в Прибалтике это дальнобойное оружие обеспечивало христианам немало преимуществ при вооруженных столкновениях с туземцами, вплоть до самого «Великого восстания» пруссов (1260), поставившего под вопрос само дальнейшее существование государства Тевтонского ордена в Пруссии. К этому времени языческие племена не только перестали бояться «марианских» арбалетов (невзирая на их дальнобойность и пробивную силу), но и сами обзавелись большим коли-

чеством арбалетов – как ручных, так и станковых, наряду с другими осадными машинами, метавшими в неприятеля стрелы, зажигательные снаряды и каменные ядра.

Прибалтийские язычники с полным основанием считали орденских стрелков грозными противниками. Орденский летописец Петр из Дусбурга неоднократно упоминал в своей «Хронике земли Прусской» тевтонских «братьев-рыцарей», прославившихся в боях с туземцами своей необычайно меткой стрельбой из арбалета на большие расстояния (например, «брата» Генриха фон Таупаделя, ухитрившегося стрелой из арбалета пригвоздить руку одного из литовских язычников к деревянному ложу метательной машины при штурме тевтонским войском неприятельского замка Вилов):

«Генрих фон Таупадель... ставший братом Дома Тевтонского, муж доблестный и в совершенстве овладевший искусством баллистариев (арбалетчиков. – *В.А.*)... выстрелом из баллисты (арбалета. – *В.А.*) пронзил стрелой и убил... вождя литвинов, и с другой стороны выстрелил в одного мастера, который, чтобы починить камнемет, поднялся на верх его, и стрелой пригвоздил ему руку к камнемету».

При планировании крупномасштабных военных экспедиций в орденских арсеналах могло храниться до 4000 арбалетов одновременно. В развалинах орденского замка Шлухов (Члухов), разрушенного поляками, при раскопках было найдено 785 железных наконечников для арбалетных «болтов». В качестве примера того, какое количество арбалетов хранилось в арсеналах некоторых орденских замков, можно привести следующие цифры из «Должностной книги» (нем.: «Эмтербух», *Aemterbuch*) Тевтонского ордена.

Так, например, по состоянию на 1400 г. в орденском замке города Кёнигсберга (тогдашней резиденции маршала ордена Приснодевы Марии) хранился 761 арбалет; в замке Христбурга – 595; Данцига – 255; Слохау (Шлохау) – 199; Эльбинга – 293; Раг(а)нита – 248.

По состоянию на 1416 г. в замке орденского комтура города Эльбинга хранилось в общей сложности 1265 «шогов» (по-польски и чешски – «коп») арбалетных стрел-«болтов» (то есть 75000 «болтов»; исходя из того, что 1 «шог» = 60 «болтов»). В инвентарных списках орденских арсеналов «тевтонов» отдельно учитывались зажигательные стрелы, также хранившиеся в «оружейных палатах» в немалых количествах.

Так, например, в описи вооружений «Должностной книги» орденской Кёнигсбергской комтурии содержалась следующая запись за 1414 г.:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.